

63.3(2рус-6)хан-216(с)622,88
В 39

«ВЕЧНАЯ СЛАВА
ЖИВЫМ,
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ
УШЕДШИМ!»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

**«Вечная слава
живым,
вечная память
ушедшим!»**

КО

065008-4

ББК 84(2 Рос 253.3).6

З 46

«Вечная слава живым, вечная память ушедшим!»

З 46 Вечная слава живым, вечная память ушедшим! –
Югорск.: ЮУМП «Издательство городской газеты»,
2000. – 120 с.

ISBN 5-93009-001-7

МБУ «Централизованная
библиотечная система
г.Югорска»

З 46

© ЮУМП «Издательство городской газеты», 2000 г.,
составление, оформление.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед вами – книга Памяти военного лихолетья. Она посвящена нашим землякам, жителям Югорска, солдатам Великой Отечественной войны. У каждого из них своя особая, неповторимая военная судьба и одна судьба на всех – судьба поколения, отстоявшего наше мирное будущее.

Нам должно быть дорого и ценно любое свидетельство прошедшей войны, тем более если это свидетельство жизни наших земляков. Никто не должен быть забыт и ничто не должно быть забыто.

**Глава города Югорска
Р. З. САЛАХОВ.**

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, connected strokes.

От редакционного коллектива

Эта книга посвящена участникам Великой Отечественной войны, жителям города Югорска. Тем, чья юность и молодость пришлось на долгие четыре года самой страшной, самой кровопролитной войны XX столетия. Книга выходит в год 55-летия Великой Победы, материалы, собранные в ней, подготовлены журналистами газеты «Югорский вестник». Работа эта была непростой, ведь старым солдатам уже за 70. У многих не сохранились в памяти даты, названия фронтов и населенных пунктов, где пришлось воевать, нет в альбомах и военных фотографий. И тем не менее нам удалось собрать бесценнейшие воспоминания, свидетельства людей, кто, не жалея собственных жизней, отстоял свободу и независимость Родины. Ими могут гордиться дети, внуки и правнуки, ими может гордиться Югорск.

Мы благодарим сотрудников городского музея за предоставленные фотографии ветеранов Великой Отечественной войны, городской архив, оказавший помощь в сборе информации, местных поэтов, чьи произведения использованы при издании книги. А держите вы ее в руках благодаря финансовой поддержке администрации муниципального образования г. Югорск.

*НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ: Г. Швец, Т. Кондратьева,
Л. Горчакова, А. Рябов, А. Карманова, И. Третьякова,
В. Смоленский.*

ПРИШЕДШИМ С ВОЙНЫ

Нам не речи хвалебные,
нам не лавры нужны,
не цветы под ногами,
нам, пришедшим с войны.
Нет, не это.

Нам надо,
чтоб ступила нога
на хлебные степи,
на цветные луга.

Не жалейте,
не жалуйте отдыхом нас,
мы совсем не устали.
Нам – в дорогу как раз!
Не глядите на нас с умилением,
не удивляйтесь

живым.

Жили мы на войне.

Нам не отдыха надо
и не тишины.
Не ласкайте нас званием:
«Участник войны»!
Нам –

трудом обновить
ордена и почет!

Жажда трудной работы
нам ладони сечет.

Мы окопами землю изрыли,
пора

нам точить лемехи
и водить трактора.
Нам пора – звон оружия
на звон топора,
посвист пульт –
на шипенье пилы и пера.

М. ЛУКОНИН

АМИНИН ИВАН ВЕДЕНЕЕВИЧ

Родился в 1925 году в Юргинском районе Тюменской области. В 1942 году ушел на фронт, младший сержант – артиллерист, сначала наводчик, потом – командир орудия. Участвовал в боях за освобождение Белоруссии, во взятии городов Восточной Пруссии. Дважды был ранен: при форсировании р. Неман и в боях за Кенигсберг. После госпиталя в конце 1944 года попал в учебный танковый полк. До 1950 года служил в танковых войсках в Советском Союзе. В Югорске Иван Веденеевич живет с 1971 года, много лет работал начальником цеха химподсочки Комсомольского леспромпхоза, имеет награды: Орден Отечественной войны 1 степени, медаль «За отвагу» и другие.

Иван Веденеевич Аминин из тех людей, что долго не сдаются возрасту и стареют красиво. В свои 75 лет он высок, широкоплеч, по-житейски мудр и основателен, настоящий сибиряк. Детство его прошло в селе Зонове Юргинского района Тюменской области, в трудолюбивой и многодетной семье, где старшие братья и сестры были для младших и няньками, и учителями одновременно. До войны и после войны – так разделилась жизнь представителей старшего поколения, не исключение и судьба старого солдата. Еще до войны успел Иван Аминин закончить курсы трактористов, пошел по стопам старшего брата. Повестка в Красную Армию пришла в 42-м, и повезли новобранцев эшелонами в Красноярск. Если бы не рост и недюжинная сила, стал бы парень снайпером, на него именно и учился, а попал прямо в объятия «бога войны» – в артиллерию. Сначала наводчик, а потом и командир орудия – тяжелой 45-миллиметровой противотанковой пушки он очень скоро принял свой первый бой. Случилось это под Витебском, где стояли в обороне сразу три Белорусских фронта.

– Немцы сильно на своих позициях закрепились. Сначала в бой не шли ни мы, ни они – перестреливались... Летом 1944 года мы вырвались из «котла» и пошли из-под Витебска на Оршу. 23 июня началась мощнейшая артиллерийская подготовка, потом в бой пошла пехота, и мы вслед за ней. Три дня шел непрерывный бой, первое время мы, пацаны, каждой пуле кланялись в землю, за это опытные, уже обстрелянные солдаты, ругали нас матом.

В Белоруссии я впервые увидел пленных немцев – люди как люди, только экипированы намного лучше наших солдат. Что было в наших вещмешках? Котелок, ложка, патроны. А у немцев в ранцах – и паек хороший, и мыло специальное от вшей. Хорошо они к войне с русскими готовились, а мы их все равно побили.

Прорвали мы оборону противника и с криками «Ура!» пошли вперед, много фашистов тогда положили, видимо-невидимо лежало их у белорусских дорог. Днем и ночью шли мы, отдыхали редко. Пушки тащили где лошадьми, где – на собственных плечах. Фашисты бежали, бросая вагоны с продовольствием. С трофейным питанием, хлебом вдоволь и тушенкой мы посильнее стали. По территории Прибалтики вышли к Восточной Пруссии. Тяжело пришлось нашим солдатам при форсировании Немана, глубокой и быстрой реки. Много тогда наших ребят погибло, но немцев мы знали и знали.

Там, на Немане, я получил свое первое ранение – легкое. Второе – при взятии Кенигсберга, сразу три осколка принял – в спину, руку и ногу. Счастливый я, наверное, один кусочек металла застрял в сантиметре от позвоночника, еще чуть-чуть – и стал бы я калекой на всю оставшуюся жизнь. В том бою вышел из строя весь наш боевой расчет: один товарищ погиб мгновенно от осколка в голову, другой был тяжело ранен в бок. Невредимой осталась только наша пушка...

Четыре месяца лечился Иван Веденеевич в госпиталях, сначала в Смоленске, потом в Удмуртии. После выписки на сборном пункте Аминину, трактористу по профессии, предложили учиться в г. Свердловске на танкиста. Заканчивался 1944 год, 9 мая 1945-го механик-водитель Иван Аминин попал в наряд по кухне. Известие о победе восприняли с такой радостью, что даже об обеде забыли.

Служба в армии тем не менее продолжилась: он испытывал новые танки на заводе, а в августе неожиданно-негаданно началась война с Японией. И вновь повезло сибиряку: с боевой машиной и со всем снаряжением его экипаж уже стоял на железнодорожной платформе, готовый к отправке. Вдруг прозвучал приказ о замене экипажа на другой. Еще пять лет обучал Иван Аминин молодых танкистов, домой вернулся только в 1950 году, преодолев долгую дорогу через весь Советский Союз – из жаркой Туркмении в суровую Сибирь.

Так началась жизнь после войны. Мать, получившая похоронку на старшего сына, после возвращения Ивана прожила всего девять дней. Уже после ее смерти он привел в дом молодую жену, а через несколько лет овдовел. Со своей второй женой Лидией Александровной Иван Веденеевич воспитал двух дочерей, скоро супруги Аминины отметят тридцатилетие совместной жизни. На самом видном месте в их квартире – фотографии внуков, их четверо. Старший уже четыре месяца носит военную форму – как дед, он тоже танкист.

В Югорске Иван Веденеевич знаком многим, живет здесь почти тридцать лет, четырнадцать из которых работал начальником цеха химподсочки Комсомольского леспромхоза. Свой парадный пиджак, позванивающий рядами медалей, с Орденом Отечественной войны первой степени, в дни, предшествующие 9 мая, надевает чаще чем обычно.

...Из деревни Зоновы в 1942 году почти в один день ушли на фронт двенадцать ровесников, семнадцатилетних парней. Девять из них погибли, трое вернулись ранеными. Сегодня из того призыва остался в живых только один человек – Иван Веденеевич Аминин.

АБРАМОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 15 февраля 1926 года, до войны работал в совхозе, призван в Красную Армию в 1943 году, воинское звание старшина. Воевал в пехоте, участвовал в войне с Японией за освобождение Манчжурии и Кореи. Кавалер Ордена Отечественной войны, награжден медалью «За победу над Японией» и другими. Из армии Иван Александрович был демобилизован в 1952 году. До пенсии трудился шофером в Комсомольском леспромхозе.

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот,
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесет?

Мы бы с ним припомним, как жили,
Как теряли трудным верстам счет.
За победу б мы по полной осушили,
За друзей добавили б еще.

Если ты случайно не женатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи:
Здесь у нас в районе, песнями богатом,
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы видно было по всему, —
Здесь живет семья советского героя,
Грудью защищавшего страну.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

А. ФАТЬЯНОВ

АНУФРИЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Когда в начале 1945 года в семью Ануфриевых из села Няксимволь Березовского района Тюменской области пришла похоронка на сына Александра, горю предела не было. Страшно не дожидаться родного человека с поля битвы, но еще горше было от того, что погиб он на исходе войны, когда многим уже было ясно: вот-вот придет Победа. Казалось, сотню раз перечитала мать скупые слова извещения, вытерла слезы и стала жить надеждой: жив сынок, вернется домой. И он вернулся...

«Черной смертью» называли фашисты красноезвездный самолет «Ил-2» и панически боялись его появления в небе. 40 боевых вылетов в составе экипажа совершил на этой машине воздушный стрелок Александр Ануфриев. А попал он в 130-й гвардейский авиационный штурмовой полк в 1943 году, после окончания Ленинградского авиатехнического училища. Как и летчики, он вел счет взлетам и посадкам, единственное, чего не считал, так это количество подбитых им вражеских танков и артиллерийских установок. Да и разве можно было их увидеть в сплошной завесе дыма и огня.

Воздушное пространство везде одинаковое: и над Россией, и над Венгрией. За годы войны полк сменил не одно место дислокации, но именно в небе над озером Балатон 19 января 1945 года был сбит самолет Александра Ануфриева. Спасла лишь малая высота, с которой экипаж фотографировал местность. Летчику удалось посадить горящий «Ил». Воздушный стрелок был ранен в бедро, так же как, и летчик, он получил сильные ожоги.

Они решили пробиваться к линии фронта. Идти было больно и тяжело, за ночь продвинулись не на много, но уже знали: свои почти рядом. Летчик отправился в близлежащую деревеньку за едой, а раненый воздушный стрелок ждал его, привалившись к заснеженному стогу сена. Венгры дали красноармейцам хлеба, но те едва успели разделить его, как были арестованы вооруженными людьми в гражданской одежде. Так «сердобольные братья-славяне» сдали чудом выживший

в воздушном бою экипаж немцам. Так начался для Александра Ануфриева и его друга плен. Пленных красноармейцев везли эшелонами в Германию, а в сибирское село к Ануфриевым шла похоронка.

Несколько месяцев считали этот экипаж погибшим, а летчик и воздушный стрелок работали вместе с другими военнопленными на валке леса под городом Крумбах. В лагере знали все: гитлеровская армия практически разбита, пленные ждали освобождения. Немецкий плен для А. А. Ануфриева закончился в апреле 45-го, когда пришли американцы. С тех дней

он навсегда потерял след командира экипажа и до сих пор ничего не знает о его судьбе. А потом был еще один лагерь, на той же немецкой земле, но теперь свой, советский, где бывших военнопленных - красноармейцев проверяли на «лояльность». Допрос с пристрастием («русские в плен не сдаются»), бессонные ночи, полные смятения, тревоги и неизвестности (что будет завтра?) пережил и Ануфриев...

Домой Александр Александрович вернулся только в 1949 году, отслужив до демобилизации в комендатуре одного из немецких городов. В том же году фронтовик женился, и уже больше 50 лет идет с ним рядом по жизненной дороге Елизавета Тимофеевна. В 1966 году родной для семьи Ануфриевых стал маленький лесной поселок Комсомольский. И пока росла их дочь Ольга, а потом и внуки, вырос поселок в красивый город Югорск. Сейчас у Ануфриевых-старших есть большой и светлый дом с приусадебным участком, и счастье, к которому они стремились всю жизнь: спокойная старость, любовь и забота близких, уважение земляков. А похоронка из сорок третьего, пожелтевший листок бумаги с едва различимыми словами, хранится в городском музее как редчайший в наши дни экспонат...

ОТКРЫТКА

Недели две разыскивала почта
Четырехзначный номер ППС,
И почтальон доставил темной ночью
Открытку в роту, в обожженный лес.

Но адресат погиб на переправе,
И ротный писарь написал в углу:
«Вернуть за невозможностью доставить», —
И почтальон ушел в ночную мглу.

Она вернулась наконец обратно,
Такой же писарь, в блиндаже лесном:
«Доставить невозможно адресату», —
Отметил молча на углу другом.

Потом подумал: «Час лишь, как убит он»,
Глазами строки пробежал и встал —
Все было как положено в открытке.
О жизни мертвый мертвому писал...

С. ОРЛОВ

БАЛАКИНА ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА

Родилась в 1923 году в Кировской области, в армию была призвана в 1942 году из п. Лобва Свердловской области. После военных курсов почтовых работников попала на Северо-Западный фронт, в 370-ю стрелковую дивизию. День Победы ефрейтор З. Н. Балакина встретила в Восточной Пруссии, где проходила службу в 130-й авиационно-истребительной дивизии. Домой вернулась в 1946 году, в 70-х годах приехала в п. Комсомольский, работала оператором котельной на заводе строительных материалов. Награждена Орденом Отечественной войны 1 степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и многими другими.

На самую прекрасную пору Зинаиды Николаевны Балакиной (в девичестве Торкуновой) пришлось Великая Отечественная война – на юность, на восемнадцать лет, чистых и светлых. Родилась она в 1923 году в Кировской области в большой семье, где по русской традиции под одной крышей жили вместе представители разных поколений. Грамоте младших Торкуновых терпеливо учил дед. Он же в один из дней сказал внучке: «Пора тебе, Зина, кусок хлеба самой зарабатывать». Свою первую зарплату девушка получила в бухгалтерии заводоуправления п. Лобва Свердловской области. Как и другие ее ровесницы, она начинала подумывать о будущем замужестве, парней хороших, работающих вокруг было много. А 22 июня 1941 года, в воскресенье, по заводскому репродуктору передали известие о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз.

– Тогда многих мужчин, и молодых, и среднего возраста, мобилизовали. Ушел на фронт мой отец. А в 42-м повестку принесли и мне. Оказалось, что моя подруга, не посоветовавшись со мной, написала заявление в военкомат с просьбой призвать нас на войну. По иронии судьбы, ее по состоянию здоровья не взяли, зато я стала «добровольцем».

Месяц проучилась Зинаида Торкунова на курсах почтовых работников и попала на Северо-Западный фронт. Служила она старшим приемщиком военно-почтовой станции, которая находилась в составе 370-й стрелковой дивизии.

— Стояли мы сначала под Старой Руссой, занимались сортировкой писем, приемом и отправкой посылок. В боях я непосредственно не участвовала, но залпы орудий и выстрелы запомнила надолго. Потери наши войска несли большие. Это было очень заметно по спискам погибших, когда мы отправляли обратно адресованные им письма. В войну писали много, конвертов не хватало, так всё и шли «треугольнички» да «треугольнички»... Посылок тоже приходило немало: с табаком, кисетами, носками, рукавицами. Сейчас назвали бы это гуманитарной помощью. А с фронта мы отправляли посылки самые печальные: с личными вещами убитых солдат и офицеров.

Для них, девчонок-почтовиков, никто, конечно, не создавал особых условий. В штанах ли, в юбке ли — все равно солдат. А на войне как на войне, весь быт поровну: ели из одного котелка — не досыта, ночевали в землянках, а то и в наспех вырытых ямах.

— От моего отца, воевавшего в артиллерии, 8 месяцев не было писем. Потом из дома прислали мне весточку, что находится он на Кавказе, за его передвижениями я следила по почтовым штемпелям на письмах. И надо же такому случиться, так бывает только в кино, наши фронтовые дороги сошлись вместе недалеко от Литвы! Слава Богу, не погиб отец, вернулся домой...

В 1944 году отозвали нас из пехоты, несколько месяцев продержали в резерве, а потом, когда начала формироваться 130-я авиационно-испытательная дивизия, направили в ее составе в Восточную Пруссию.

— О капитуляции фашистов мы узнали 8 мая 1945 года. Прилетел самолет, и мы побежали с подружкой на обмен почты. Летчик счастливый такой, улыбается и говорит: «Ну что, девчонки, отвоевались! Сдался немец!». Мы, ног под собой не чуя, бежали в расположение нашей части и кричали: «Победа! Война кончилась!». Но тогда еще никаких официальных сообщений о капитуляции фашистов не было. Так что за свою поспешность мы с подружкой едва на гауптвахту не угодили. А на другой день, 9 мая, победу праздновали уже все.

Ефрейтор Зинаида Торкунова была демобилизована в 1946-м, вернулась домой, в Свердловскую область, где и вышла замуж за Дмитрия Федоровича Балакина, бывшего разведчика. Он пришел с фронта со многими ранениями, с больными, простуженными легкими и ушел из жизни еще не старым — в 1974 году. После смерти мужа Зинаида Николаевна

приехала к дочери в Югорск, работала оператором котельной на заводе строительных материалов, сейчас после перенесенной тяжелой болезни почти не выходит из дома.

Болезнь и возраст стерли из памяти непривычные русскому языку названия чужих городов, многие имена и лица, оставив лишь самые важные для Зинаиды Николаевны события и эпизоды фронтовой жизни. До сих пор бережно хранит она благодарственное письмо от Верховного главнокомандующего Сталина за участие в боях за взятие городов Тильзит, Инсенбург, Кенигсберг, Пилау. Лежат в деревянной шкатулке награды: Орден Отечественной войны 1 степени, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и многие другие. Через 40 лет после войны ездила Зинаида Николаевна в г. Горький к своей боевой подруге Зое, которая написала на их общей фотографии так, как может написать только женщина: «На добрую память от фронтовой подруги Зои в дни нашей встречи. Позади нас цветут тюльпаны. Посмотри, какие мы стали...».

**БЕЛИКОВА
(МОРШИНА)
ВЕРА ПАВЛОВНА**

Родилась в 1922 году в Тульской области. После окончания десятилетки и курсов работала на шахте ликбезработником. После начала войны перешла на работу в военкомат в качестве секретаря. В августе 1943 добровольно ушла в действующую армию. Служила в отдельном батальоне войск НКВД в пиротехническом отделении штабного взвода по разряжению неразорвавшихся бомб и мин. Демобилизовалась из армии только после победы советских войск над Японией. До 1963 года жила в Северо-Осетинской АССР, затем в Ставропольском крае. С 1994 года проживает в Югорске. Награждена медалями "За победу над Германией", "Ветеран труда", юбилейными медалями.

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.

Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.

А к мертвым, выправив билет,
Все едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет...
И ставит,

ставит

обелиски,

К. СИМОНОВ

БОРОВОЙ ТИХОН ИВАНОВИЧ

Родился 16 марта 1924 года в Алтайском крае. На фронт ушел семнадцатилетним в 1942 году, в августе этого же года стал курсантом военного пехотного училища. 9 августа 1943 года в кровопролитных боях на Курской Дуге получил ранение. После госпиталя был направлен на краткосрочные офицерские курсы, а в июне 44-го младший лейтенант Боровой уже командовал взводом автоматчиков, с которым дошел до

Берлина. Ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, Орден «Красной Звезды», медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», множество других наград – так оценен ратный труд воина. Т. И. Боровой – старожил Югорска, живет в нашем городе с 1962 г., 17 лет проработал водителем в Комсомольском ЛПХ.

Деревенька Конеево, где 16 марта 1924 года родился герой этого повествования, затерялась на необъятных просторах Алтайского края.

В 1938 году после окончания семилетки начал Тихон Боровой вкалывать помощником бондаря. И грузчиком пошел трудиться, чтобы освоить профессию шофера. В сороковом получил водительские права, а в июне 1942 года забрали его на фронт вместе с автомашиной ГАЗ – АА. Было в ту пору пареньку Тихону Боровому всего семнадцать лет. Уже 30 июня попал он под первую в своей жизни бомбежку и потерял любимую машину. Через неделю бомба искалечила вторую, а третью потерял в декабре.

— *Собрали нас, безлошадников, 80 человек, — вспоминает Тихон Иванович, — и направили получать технику на Дальний Восток. Там случайно повстречал я знакомого капитана, и он оставил меня у себя водителем. В августе 1942 года авиаполк, в котором я служил, был отправлен на фронт. Меня же послали учиться в Хабаровское пехотное училище...*

Не пришлось Тихону Ивановичу толком поучиться. Сложная обстановка на фронтах требовала пополнения. Больше половины курсантов училища бросили на фронт под Сталинград.

— *Видно, судьба уготовила мне другое. Пока добирались с Дальнего Востока, под Сталинградом произошел перелом в войне. Погнали мы немца...*

В боях на Курской дуге Тихон Боровой, командуя отделением саперов, получил ранение. Случилось это 9-го августа 1943 года. После выздоровления был направлен на краткосрочные офицерские курсы. В июне 1944 года младший лейтенант Боровой командовал уже взводом автоматчиков, с которым дошел до Берлина.

— Не все было гладко, — рассказывает Тихон Иванович. — Во время освобождения Польши я получил задание прибыть со взводом в небольшой городишко в распоряжение командира танка. В указанном месте танка не оказалось. Связался по радию с командиром дивизии и получил приказ уходить. На одной из улиц, лоб в лоб, столкнулись с колонной немецких танков. Что делать? С автоматами против брони не поперешь. Тут, к счастью, один мой солдат нашел несколько фауст-патронов. Штуковина немецкая, как с ней обращаться — никто не знает. Покумекали хором, сообразили. С горем пополам произвели первый выстрел — промазали, конечно. Зато второй достиг цели — загорелся танк, запыхал. Улица узкая, простору для маневра никакого. Немцы занерничали. Стали палить в разные стороны. Словом, запаниковали. Как бы то ни было, а девять немецких танков загорелись. За этот бой я получил Орден Отечественной войны второй степени. Запомнились бои на реке Висле. Пришлось участвовать при выявлении огневых точек противника. В ночное время я со своими солдатами заплывал на лодке на середину реки. Присушив весла, мы начинали горланить украинские песни. Немцы тут же открывали огонь на голос, обнаруживая себя. Разведчики быстро вычисляли немецкие батареи, а наша артиллерия накрывала их огнем. Поняли немцы, что их провоцируют, перестали стрелять, но время было выиграно — наши войска провели замену, передислоцировались...

Не знаю, что испытывали солдаты, да и сам Боровой в роли "живцов", но был совершен подвиг.

Представишь на мгновение такое — оторопь берет. Подвиг — есть право на риск, но солдаты знали, во имя чего они рисковали, во имя чего совершали подвиги.

Ордена Отечественной войны I-II степени, орден Красной Звезды, медаль "За освобождение Варшавы", медаль "За взятие Берлина", медаль "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг." и еще множество наград украшают грудь труженика войны — солдата Тихона Борового. За наградами — слава, мужество, но еще

и жизнь человеческая — маленькая песчинка в людском море, которая, слившись воедино с миллионами других, образует тот великий монолит по имени Россия.

Демобилизовался лейтенант Боровой в 1947 году, но и на мирном фронте трудился он не покладая рук. С 1954 года на Севере. Сначала работал в Заводоуковском ЛПХ лебедчиком на трелевке леса, мотористом по раскряжёвке, водителем, а с 1962 года — в Комсомольском ЛПХ шофером по вывозке леса и позднее — водителем автобуса. В 1979 году ушел на заслуженный отдых.

У Тихона Ивановича Борового обычная судьба солдата сороковых. На долю его поколения выпали суровые испытания, у его поколения мозолистые руки. Мы в неоплатном долгу у солдат Великой Отечественной.

**Нам, войны не видавшим,
Нужно помнить о них,
Лучший реквием павшим —
Это память живых.**

БОРТНЕВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

И. М. Бортнев — один из тех, кому сполна пришлось испытать все тяготы военных лет. Фронт, ранение, плен и дерзкий в своей простоте побег. Снова действующая армия... Много разных событий вместила в себя его фронтовая биография.

В армию попал в 42-м, совсем еще мальчишкой — было ему в ту пору 17 лет. Паренька из небольшого сибирского села Карасуль направили в Красноярск, где вместе с такими же новичками он прошел краткий курс бойца — изучал винтовку, пулемет, миномет, гранату. И — на фронт...

В составе мехбригады 7-го мехкорпуса, которым командовал однофамилец знаменитого маршала Жукова, мерил трудные фронтовые километры — автоматчики танкового десанта передвигались в основном пешим ходом. Два раза на Украине выходили из окружения. А в 43-м настигла солдата роковая пуля...

— В такой переплет попали — всех ребят положили... Меня только ранили. На другой день немцы подобрали на поле боя, — вспоминает Иван Михайлович.

Потянулись долгие восемь месяцев плена. В части его посчитали погибшим, и страшная весть о гибели солдата ушла домой.

Мать, уже потерявшая в первые дни войны мужа, оставшаяся с тремя младшими на руках, оплакивала старшего сына. Даже в Ишим съездила, в церковь, чтобы отпели сыночка, как полагается...

Из Одессы, где пленных продержали четыре месяца, их на каком-то недостроенном корабле на буксире по Дунаю вывезли в Румынию. Под ударами Яссо-Кишиневской группировки наших войск немцы отступали. Пленных этапом погнали подальше от линии фронта.

— Среди нас были ребята посильнее и покрепче. Распределились по всей колонне, решили по сигналу напасть на охрану. По какой-то причине не получилось... Я с правой стороны шел. Смотрю — конвоир дремлет. Выбрал момент, упал в бурьян. Лежал, пока вся колонна — нас 400 человек было — не прошла. Обоз прошел. Тихо стало, я выполз — и в кукурузу...

Фронт приближался, уже слышны были выстрелы нашей артиллерии. Вышел солдат к жилью, узнал дорогу и направился в ту сторону, где гремела кононада. Шел обочиной – где кукурузными полями, где перелесками. Вскоре вышел к своим.

Прошел, как требовалось, через особый отдел, после чего был направлен в сформировавшуюся 4-ю гвардейскую дивизию. С боями прошел Румынию, Югославию, Венгрию. Не раз участвовал в тяжелых сражениях.

– В разные переделки попадали. И в атаки много раз ходили: "ура", "за Родину, за Сталина!" – и вперед. Словом, оправдал себя, доказал верность Родине, получил гвардейский значок, гвардейцем стал.

Второй раз Иван Михайлович был ранен под Будапештом. Из госпиталя вышел с тросточкой, иначе не мог передвигаться. Получил назначение в арtpолк. Сначала определили ездовым, а через некоторое время перевели в связисты. Войну закончил в Австрии, в альпийских снегах и льдах.

Как один из самых тяжелых эпизодов своей фронтовой эпопеи вспоминает бывший солдат форсирование Днепра.

– В каком месте переправлялись, не знаю. Я ведь рядовым был, а солдатам много знать не полагалось. На плотках, на лодках, на бревнах переправлялись, под бомбами и шквальным огнем противника. Только с третьей попытки удалось перебраться на другой берег, после того, как наши подтянули орудия и дали несколько залпов по противоположному берегу.

– Кровью захлебывались, – вспоминает ветеран. – Многие наши ребята пошли ко дну – кто ранен, кто убит был при переправе, кто плавать не умел толком... Как я позже уже понял, наша переправа была ложной. Основные силы переправлялись в другом месте, туда и понтоны привезли, машины-амфибии, перебрасывали на другой берег танки, орудия...

По-разному встречали Советскую Армию в оккупированных фашистами странах.

– По Югославии было хорошо идти, партизаны нам сильно помогали. Если в населенном пункте колокол звонил громко, отрывисто, тревожно – значит, там немцы. Если слышался веселый перезвон – село свободно. Вдоль улиц население выстраивалось – кто с хлебом, кто с салом, кто с другими продуктами. А вот в Венгрии несладко приходилось, мадьяры злые были. Кабель телефонный из строя не раз выводили. Как-то капитана нашего – Героя Советского Союза – нашли топором зарубленного. Поквитаться не разрешили – политика...

После окончания войны часть отправили своим ходом в Молдавию, оттуда перебросили в Закарпатскую Украину, на борьбу с бандеровцами.

— Я попал в подвижной отряд, состоящий из 20 автоматчиков, оснащенный радиостанцией, крупнокалиберным пулеметом. Где на какой гарнизон бандеровцы напали — мы на поддержку...

На этом военная служба рядового Бортнева не закончилась. Присвоили звание младшего сержанта, назначили командиром отделения связи. Как опытного солдата, Ивана Михайловича поставили обучать новичков, хотя сам он был ненамного старше них — года на два-три. В мае 50-го демобилизовался, вернулся домой.

— Мне 25-й год шел. Приехал домой, пошел в клуб, а там маленькие девчущечки, лет шестнадцати-семнадцати. Мне среди них неудобно и неуютно. Ровесницы-то все замуж повыходили...

Все же нашел бывший солдат свою половину, женился. Зажили неплохо, сыновья родились. Спустя какое-то время Иван Михайлович с семьей переехал в Казахстан. Стал глава семьи работать шофером, выучился на автокрановщика. Трудился на совесть, за что пользовался авторитетом товарищей, уважением начальства. После смерти супруги, помаявшись в одиночку, узнал от бывшей землячки адрес хорошей одинокой

женщины, взял отпуск и махнул на родину. Оттуда в Казахстан привез жену – Анну Зотовну. Жили, по их словам, неплохо до тех пор, пока не начался развал повсюду, после чего стало в республике тяжело – холодно, голодно, пенсию вовремя платить перестали. Вот и переехали в Югорск, где живут двое детей жены.

Все бы ничего, но все чаще подводит ветерана здоровье. Напоминают о себе раны. До сих пор, более пяти десятков лет, носит Иван Михайлович в себе немецкую пулю – в свое время не извлекли, а сейчас трогать не хочет.

О войне вспоминает скупο. Наш разговор начал со слов: "Я ведь простым солдатом был. И в герои, как видите, не вышел". Возможно он, как и другие бойцы, воевавшие в Великую Отечественную, не считает свое участие в освобождении родной земли и стран Западной Европы от фашизма героизмом. Но фронтовая биография Ивана Михайловича, его нелегкий путь к Победе, орошенный кровью, высокие награды – медаль "За отвагу" и орден Отечественной войны свидетельствуют о каждодневном солдатском подвиге во имя будущего...

P.S. Этот разговор состоялся в феврале 99-го года. К сожалению, вскоре после него И. М. Бортнев ушел из жизни. Ушел, навсегда оставшись в сердцах и памяти тех, кто его знал.

БОРЦОВ СЕМЕН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1927 году, в 1944-м призван в Красную Армию, до мая 45-го находился в 34-ом учебном полку на территории Красноярского края. О Победе узнал в эшелоне, который шел на Дальний Восток. С самого первого дня войны с Японией воевал в Маньчжурии пулеметчиком, демобилизовался в 1951 году. Награды: медаль «За боевые заслуги», орден Отчественной войны 2 степени и другие. Старожил г. Югорска, с 1962 года работал трактористом в Комсомольском ЛПХ.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Придя с работ колхозных,
Ругала меня мать:
— Нельзя со складов грозных
Оружие таскать...
Но забывало детство
Тревожные слова —
К фашистскому наследству
Вновь страсть меня вела.
Гранаты, мины, шашки,
Патроны, аммонал
Таскал я без опаски
В овраг и там играл.
Замечено, что дети
В предметах ищут суть...
Я внутрь игрушек этих
Пытался заглянуть.
Но взрыв мой не раздался.
Не знаю до сих пор:
Как жив тогда остался
Тот маленький сапер?

С сынишкой я играю
В игрушечный завал
И с грустью восполняю,
Что в детстве я не знал.

Н. БАКАЛОВ

БУБНОВ ВАСИЛИЙ КУЗЬМИЧ

«Да не герой я вовсе, не летчик и не танкист, простой связист...» – так сказал в самом начале нашего разговора Василий Кузьмич Бубнов. Поскромничал, конечно, ветеран Великой Отечественной в оценке собственных заслуг перед Родиной. В большой книге его жизни за 84 года невидимыми чернилами судьбы написано множество интересных страниц, с удачами и печальми вперемешку.

До 1924 года семья Бубновых жила под Воронежем, в красивом, утопающем в садах и зелени селе Липовка. Потом пришла большая по крестьянским меркам беда: пала пошадь. Чтобы заработать денег на другую кормилицу, подался отец на заработки в город Лиски, устроился кондуктором на железную дорогу. Когда он понял, что на пошадь денег не скопит, а жене очень тяжело одной в селе с тремя детьми, забрал семью к себе. Так, в одночасье, стали Бубновы городскими. Один из сыновей – Василий очень легко постигал школьную науку. Получив семипетнее образование (высокое по тем годам), он закончил фабрично-заводское училище, потом железнодорожный техникум. Закончилась учеба, вместе с ней и отсрочка от службы в Красной Армии. Когда в 1939 году В. Бубнов надел солдатскую шинель, ему было 23. Служить Василию нравилось, не тяготили ни дисциплина, ни строгий распорядок. В школе младшего командирского состава погранвойск Средне-Азиатского военного округа, готовившей связистов и радистов практически для всех родов войск, этот курсант считался одним из лучших. После окончания школы «на отлично» старший сержант Василий Бубнов был оставлен при ней же помощником командира взвода. Все, казалось, в его жизни ладилось, все получалось, к чему стремился. Ошибся в одном: мечтал вернуться домой сразу после двухгодичной службы в Красной Армии, а ступил на порог отчего дома спустя семь с половиной лет...

О нападении гитлеровских войск на Советский Союз он узнал во время ночных занятий в г. Ростове, с первого же дня войны вместе с другими сослуживцами начал добиваться отправки на фронт. Но их, связистов высокого класса, обучающих непростой военной науке новичков, держали «в запасе» до 1943 года. Когда бывший начальник школы пол-

ковник Афанасьев стал командиром 4-го отдельного Одесского Правительственного полка связи, он не забыл лучших учеников, вызвал их в свое распоряжение. Так для Василия Кузьмича Бубнова началась фронтовая жизнь.

— Мы строили постоянные линии связи, ставили столбы, тянули провода. Никогда не считал, сколько это получилось километров, наверняка, очень много — от Москвы до Вены. Мы обеспечивали надежную связь между ставкой Верховного Главнокомандующего и командующим 3-им Украинским фронтом маршалом Толбухиным, другими фронтами. Требования были жесткими — никаких посторонних шумов, полная готовность днем и ночью. Были, конечно, и трагические моменты в нашей службе: погибали связисты под бомбежками, подрывались на минах, когда устраняли повреждения на линии. Вместе с подразделениями, участвующими в боях, мы прошли Украину, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию. Стояли под Веной, когда я узнал от собратьев-связистов, что немцы капитулировали...

День Победы они отмечали под Веной, за длинными, наспех сколоченными столами. На чужой земле, под чужими цветущими деревьями. Здесь же встретились с американцами. Бравые солдаты из-за океана тут же предложили красноармейцам «чечн». Наверяд ли сохранил американец, обменявшийся с Василием Кузьмичом, русскую ручку, зато бывший связист пользуется позолоченным «паржером» уже больше половины столетия!

До 1947 года полк связи, в котором служил Бубнов, простоял в Румынии. В апреле, через два года после окончания Великой Отечественной войны, с медалью «За боевые заслуги» вернулся Василий Кузьмич в свой город. Родители, слава Богу, были живы, отец пришел с фронта раньше, а младшему брату вернуться было не суждено. Летчик-истребитель, он погиб в небе над Финляндией в уже далеком 39-м году. А Василия не дождалась невеста.

— Да и какая женщина смогла бы остаться верной больше семи лет? Написала она мне на фронт письмо: «Так, мол, и так, замуж выхожу...». Очень я тогда переживал и все равно ответил: «Если встретила хорошего человека, выходи. Желая тебе счастья». Солдат себе службу не выбирает...

После демобилизации мы с ней встретились, ребенок у нее уже был, и муж. Действительно, хороший. Мы потом долго дружили семьями.

Привыкнув к гражданской жизни, он женился почти сразу, родилась дочка. И через два года, после смерти жены, остался с крохотным ребенком на руках. А когда в дом пришла Мария Федоровна, он на годы наполнился таким теплом и счастьем, что сам Василий Кузьмич к нему долго привыкнуть не мог. Можно, оказывается, прожить тридцать лет мужу с женой и ни разу не поссориться. Уход из жизни своей супруги, ставшей замечательной матерью его ребенку, пережил очень тяжело.

Затосковал, и через год, с радостью принял предложение дочери Валентины, жившей в п. Комсомольском Тюменской области, переехать к ней. В Югорске Василий Кузьмич Бубнов живет относительно недолго – пять лет, но искренне полюбил наш город. И за то, что хорошеет с каждым годом, и за то, что большим вниманием и заботой окружены здесь ветераны войны и труда.

– Я переписываюсь со своими земляками из Воронежа. Сетуют на свое житье-бытье старики: пенсии маленькие, жить тяжело. В Югорске же на власть грех пенсионерам жаловаться.

...Такие они, наши старики, живущие благодарностью своей судьбе за то, что живы остались в военное лихолетье, за каждый сегодняшний день.

ГЛОЖИК МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

Михаил Иванович Гложик попал на войну в августе 44-го, когда фашистов гнали уже за пределами нашей земли. Служил он в 14-й гвардейской стрелковой дивизии, в 41-м полку. Так получилось, что на передовой, он почти сразу заболел, попав в госпиталь, где и остался служить по выздоровлении санитаром.

Полевой госпиталь находился в трех километрах от передовой, воею были слышны канонада, выстрелы, крики «ура»... Дивизия с боями шла по Польше, Венгрии, Германии. Память с возрастом становится хуже, детали стираются, Михаил Иванович помнит только, что работы было так много, что иногда он, будучи единственным санитаром, просто падал на пол и засыпал – рядом с ранеными.

Весть об окончании войны застала Михаила Ивановича в Дрездене, но демобилизовался из армии он только в июне 46-го. Награда – орден Отечественной войны II степени нашла его после Победы. А потом...

Потом судьба заложила такой крутой вираж, что Михаила Ивановича не только выбросило из привычной колеи, но и закинуло далеко от дома – в Казахстан, где обрел он и дом, и семью, и профессию. Более тридцати лет проработал Михаил Иванович на одном месте – строителем, его портрет висел на Доске почета огромного предприятия многие годы. В трудовой книжке Михаила Гложика две записи: в 52-м – «принят на работу...», в 83-м – «уволен на пенсию...».

В Югорске М. И. Гложик живет с 1998 года.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Отколосилась нива за Окой –
стога и скирды выше обелисков,
и голос, переполненный тоской,
от сумеречной выси отделился.
Кого он кличет? Здесь бои прошли.

Душа вдовы не приютит разлуку!
Несут печально клин свой журавли,
как воин — загипсованную руку...
Мой сверстник, что навек в окопчик вжат,
навстречу зову головы не вскинет...
«Мужья, — услышал вздох я, — тут лежат,
а с нами — лишь заботы их мужские...»
«Кур-р-лы-ы» — над полем, как «Пор-ра-а!.. Пор-ра-а...» —
«Кур-р-лы-ы!.. Кур-р-лы-ы!..» — над сумеречной высью...
«Кур-р-лы-ы!..» — как над атакою: «Ур-ра-а!..»,
когда вот-вот раздастся первый выстрел...

Е. ВДОВЕНКО

ГУБЕРНАЧУК ВЛАДИМИР МАКАРОВИЧ

Владимир Макарович Губерначук — участник Великой Отечественной войны.

Ушел на войну Володя Губерначук в январе 43-го, когда ему не было еще и семнадцати. Распределили молодого бойца в 65-ю мотострелковую бригаду, приданную 31-й танковой дивизии, и — на 1-й Украинский фронт. Новое пополнение сразу бросили в кровопролитные бои за крупную узловую станцию Шепетовка. Позже — грандиозное сражение под Великими Луками, врезавшееся навсегда в память солдата.

Потом-то стало легче — все-таки гнали врага уже не по родной земле, и это придавало силы. Польша, Германия — враг ожесточенно огрызался, чуя неминуемую гибель. Легких боев не было...

День Победы застал пулеметчика Губерначука в Чехословакии, где его часть добивала власовцев, но военную форму пришлось носить еще три года, а потом — домой!

Вот и все, что смог рассказать о войне Владимир Макарович, и лишь стопка наградных документов (два ордена — Красной Звезды и Отечественной войны II степени — и десять медалей) да немногочисленные военные фотографии напоминали о тех грозных годах.

Вскоре после демобилизации Владимир Макарович женился, и семья Губерначуков вместе со всей страной начала строить мирную жизнь. И побросало же их по Уралу до 62-го года, в апреле которого Владимир Макарович прибыл в Комсомольский...

А было здесь тогда три дома — зато всего остального с избытком — простора, первозданной красоты, молодости, энергии, напора, жажды деятельности...

Устроился Владимир Губерначук в ОКС леспромхоза плотником — да так и проработал там до пенсии. А тогда, в 62-м, получив первую зарплату, он отправился за семьей. Как добирались до места, Мария Ивановна и Владимир Макарович помнят очень хорошо и рассказывают об этом с юмором:

— Ехали мы в одном вагоне — три семьи (15 человек) и две наших коровы — за перегородкой... Поезд идет, а рядом с ним по насыпи — пассажиры — прогулка... Машинисты увидят косачей — а давайте поохотимся! Останавливаемся. Едем дальше — вот и обедать пора, стоп машина! Стоим, обедаем. Проезжаем поселок — а здесь сегодня

кино показывают, давайте сходим посмотрим – идем в кино!.. Так вот и ехали.

Добравшись до места, Губерначуки с тремя детьми поселились в сараюшке у Степановых, деля ее с еще одной семьей переселенцев. Леспромхоз и поселок строились в то время ударными темпами, и самое активное участие в создании Комсомольского принимал Владимир Макарович. Он строил все – и дома, и магазины, и школу, и кинотеатр, и эстакаду. Поселок рос на глазах, и к осени Губерначуки переехали в новую квартиру – правда, печи там не было – кирпич не завезли.

Выдали им железную печурку, которую приходилось топить постоянно и переносить из комнаты в комнату для обогрева. А пищу готовили во дворе на самодельном очаге...

Но и это пережили, тем более что особой трудностью такие бытовые неурядицы не считали. Главное – были все здоровы, было много работы – и была перспектива. Будущее виделось стабильным, обеспеченным, спокойным – а что еще человеку надо?..

Вот и дети выросли, у внука уже своя семья есть, дом обжит и обихожен, свадьбу золотую недавно сыграли – кажется, живи да радуйся. Но годы нещадно уносят с собой здоровье, вот уже сил не хватает на хозяйство, а ведь было время, когда аж по пять коров держали – и это не считая живность помельче! Вою округу молоком снабжали. А сейчас и одна коза в тягость стала... На огороде растут и яблони, и смородина, и облепиха, все посажено и выхолоено вот этими руками, умеющими и пулемет держать, и рубанок...

Здоровья тебе, надежный защитник, скромный труженик, человек-созидатель, на чью долю выпала великая честь и счастье построить и оставить потомкам не просто дом или улицу – целый город: наш замечательный Югорск!

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и пустота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны.
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

С. ОРЛОВ

ДАРНИЧЕНКО ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ

В 1943 году было Василию Дарниченко восемнадцать. Наши войска тогда освобождали Ворошиловградскую область, где жила семья Дарниченко.

— И вот идут как-то мимо нашего дома два солдата, — вспоминает Василий Кириллович, — и говорят мне — пошли, мол, с нами... И я отправился! Попал во второй эскадрон 26-й кавалерийской бригады, с которой дошел до

Изюма, что под Харьковом.

В действующей армии молодой боец пробыл всего месяц. Шли с боями, остановились под Сталинградом. Там боец Дарниченко был ранен и после лечения направлен на курсы санинструкторов в Тбилиси. Потом был Сухуми, автобатальон, потом 10-я гвардейская дивизия, где Василий Дарниченко дослужился до старшины санитарной роты. Закончил военную службу гвардеец Дарниченко в 1950 году.

ЗНАМЕНОСЦЫ

Наша слава — знамена в рассветном соку.
Наша слава — по гулкой планете несется.
Умирает не слава — на полном скаку
вылетают из седел ее знаменосцы.
Передышки не будет! К рассвету — рассвет,
к прошлой славе — грядущую славу.
По-походному — жизнь, значит, выбора нет:
по-походному праздник и траур.
У знамен заменяет седок седока,
песня песней сменяется новой,
тут и там на следу — то полоска клинка,
то — на счастье потомку — подкова.

А дороги все круче берут к небесам,
все стремительней кони под нами,
и уносит в зорю парашютный десант
опаленное русское знамя.
Не спеши, мой ровесник, гасить купола,
чтоб ветрами тебя не срывало –
это наша судьба – закусив удила,
не успеть доскакать до привала!..
У России в почете такие полки,
и она в нужный час их получит в достатке,
а цветы – только женщинам и – на венки,
ибо славен, кто пал за народ, а не падкий!

Е. ВДОВЕНКО

ЗДОТА МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ

Когда началась война, большая семья, где рос Михаил Здота, жила на Черниговщине. В 43-м Миша только закончил семь классов, но его вместе с матерью забрали в гестапо за двух двоюродных братьев-партизан, пойманных и расстрелянных фашистами. Две недели, проведенные в жутких застенках, где мальчишку били кабелем и ни разу не дали повидаться с матерью, оставили рубец на всю жизнь.

В августе 44-го лавина советских войск безостановочно покатилась на запад, и трое парней, в числе которых был и 16-летний Михаил Здота, решили идти навстречу освободителям. Через двадцать километров отважная троица наткнулась на наши передовые части, и ребята, в течение месяца пройдя с боями около ста километров до белорусского города Злынка, подносили снаряды к артиллерийским орудиям. А в Злынке их нашел военком и, сославшись на приказ Верховного главнокомандующего, отправил обратно по домам.

Но уже через год, в 45-м, Михаила Здоту призвали в армию, и он попал на Дальний Восток, в Хасанский район, наводчиком 45-миллиметрового орудия. Там и встретил войну с Японией. И хотя командование в этой скоротечной войне старалось по возможности беречь жизни солдат и лишний раз не рисковать, все же помнит от их роты за три атаки осталось всего восемь человек... Это были первые бои с Квантунской армией под Харбином.

В сентябре Япония капитулировала, и часть, где служил Михаил Здота, отошла в Пхеньян. Так и дослужил brave артиллерист в Корею до демобилизации в 50-м году.

Вернувшись домой, в Черниговскую область, Михаил Петрович малое время поработал в колхозе, а уже в августе поехал в Ровно, где поступил на службу в милицию. Почти 27 лет отработал в органах внутренних дел Ровно, а в 1977 году перевелся в Игрим Березовского района, откуда и ушел на пенсию в 1985 году, прослужив в общей сложности в системе МВД 35 лет.

Михаил Петрович Здота удостоен военных наград: медали «За победу над Японией», ордена Отечественной войны II степени, 5 юбилейных медалей.

За службу в рядах МВД имеет пять медалей и знак отличия.

КАМАРИНСКИЙ ПЕТР ИЛЬИЧ

Не многие фронтовики могут похвастаться тем, что прошли всю войну – с первого до последнего дня – в одном полку. Петр Ильич Камаринский – может. Видно, родился он под счастливой звездой: за четыре военных года – ни одного тяжелого ранения, ни одного знакомства с госпиталем, хотя был всегда на переднем крае, пулям не кланялся...

Родился П. И. Камаринский в небольшом селе Очадово Zubovo-Полянского района Мордовии в 1913 году. В 24-м стал сибиряком – родители переехали на постоянное место жительства в Кемеровскую область. Учиться долго не довелось – закончил четыре класса, стал работать в колхозе, благо в деревне дело всегда найдется и для старого, и для малого.

В 34-м юношу забрали в армию, а через три года воин-артиллерист, отслужив положенный срок, вернулся в родной колхоз. Война застала его на военных сборах в лагере.

— В воскресенье услышали речь Молотова: война..., – вспоминает ветеран. – Свернули палатки, погрузились в вагоны и – на запад. В конце июня, числа 28–30, мы прибыли в Гомель. Вот там и начал я войну...

Четыре долгих года продолжался путь солдата к Победе – от Гомеля, с белорусской земли до Москвы, от Москвы до Эльбы, где и застала его радостная весть о завершении войны. Но все это было после. А сначала – «плановое отступление». Самым тяжелым был, конечно, начальный этап войны – 41–42 годы.

— Отступали мы до Нарофоминска. До Москвы оставалось 60 километров. Именно тогда прозвучал приказ: ни шагу назад. Вот тогда и началась настоящая война. После жестоких оборонительных боев поздней осенью мы, наконец, пошли в наступление – по той самой дорожке, по какой недавно отступали...

2-й дивизион 486 полка 10-й бригады 6-й артиллерийской дивизии 1-го Белорусского (позже – Западного) фронта – только этот адрес стоял на фронтовых треугольниках, шедших с фронта в далекий сибирский колхоз и оттуда на фронт.

Запомнились командиру артиллерийской разведки Камаринскому ожесточенные бои на Курской дуге. За один из них он получил прямо на поле боя медаль «За отвагу» – по его словам, самую дорогую для него награду. А дело было так. Продвигаясь по шоссе, артиллеристы наткнулись на огонь вражеского пулемета: заняв удобную позицию, фашисты поливали наших бойцов смертоносным свинцом. Тогда молодой коммунист, прихватив с собой трех человек, двинулся в обход. Враг был захвачен врасплох

(оказалось, это были власовцы). Доставили к командованию «теплыми», вместе с пулеметом и запасами лент... Еще два ордена – Славы и Отечественной войны – память о 43-м.

Постепенно освобождали от фашистов советскую землю. По-прежнему артиллеристы-разведчики были впереди – наблюдали за противником, засекли его огневые точки, передавали сведения командованию, чтобы через какое-то время обрушить на врага всю мощь огневых батарей. Петр Ильич с однополчанами форсировал Вислу, Одер, а уж более мелких рек и речушек, которые ему приходилось преодолевать, не перечислить. При чем главным плассредством служили легкие плоты и бревна. Несколько раз был легко ранен, под Варшавой получил контузию, но из строя не выбыл.

О встрече на Эльбе писано-переписано много. Как и многие очевидцы того знаменательного события, Петр Ильич вспоминает радость, всеобщее ликование, объятия.

— День завершения войны тоже помню хорошо. 2 мая это было, в воскресенье. Узнав о конце войны, все собрались на митинг. В честь такого события командир полка приказал выдать по 200 граммов фронтowych... Числа 15-го боевые действия полностью прекратились. Потом я попал в Берлин. Там в контрразведке служил, порядок в городе наводил. Мирные жители к нам хорошо относились, не было ни провокаций, ни стрельбы из-за угла, — вспоминает ветеран.

Военную форму удалось снять только осенью – к 7 ноября попал, наконец, домой. И сразу же окунулся в работу.

— Дома ни дня не сидел, — говорит Петр Ильич. — Трудился в колхозе, потом на шахте шесть лет. Дети один за другим пошли – шестеро. Потом вдруг в партийный комитет вызывают: коммунист? Коммунист, отвечаю. Есть сельскохозяйственная специальность? А я до войны полгода агрономии учился. Поехал опять в деревню – сельское хозяйство поднимать...

Выйдя в 73-м году на пенсию, Петр Ильич решил сменить место жительства. Попытался прижиться в Казахстане, в Алма-Ате, оказалось – не климат. Вернулся в родное Кемерово. Овдовев, перебрался на север, поближе к детям...

Не той, что из сказок, не той, что с пеленок,
Не той, что была по учебникам пройдена,
А той, что пылала в глазах воспаленных,
А той, что рыдала, — запомнил я Родину.
И вижу ее, накануне победы,
Не каменной, бронзовой, славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Все снесшей, все вынесшей русскою женщиной.

К. СИМОНОВ

КИСЕЛЕВ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ

Павел Андреевич КИСЕЛЕВ родился в 1912 году на юге Тюменской области – в Ишимском районе. В 36-м году отслужил действительную в железнодорожных войсках. Когда грянула Великая Отечественная, в июле 41-го забрали рядового запаса Павла Киселева в действующую армию.

Гопал он сначала на Дальний Восток, где со дня на день ожидали нападения японцев, но вскоре добровольцем отправился на Западный фронт. Это было в разгар боев под Москвой, зимой 41-го, когда фашистам впервые нанесли сокрушительный удар.

– После этого, – вспоминает Павел Андреевич, – гитлеровцев без остановки гнали по 50–100 километров в сутки – прочь от Москвы, и так аж до города Калинина.

Вскоре Павла Киселева включили в состав особого Краснознаменного батальона и со специальным заданием направили под Ленинград. Пройдя по считавшимися непролазными топям много километров, батальон неожиданно для немцев вышел в районе пригорода, прорвав начинающее сужаться кольцо блокады. Подавив огнем орудий слабое сопротивление опешивших фашистов, выбили врага из местечка, восстановив железнодорожное сообщение задыхающегося города. Придя в себя, гитлеровцы во что бы то ни стало решили взять реванш, бросив для этой цели крупные силы на уничтожение горстки храбрецов. Налеты авиации следовали волна за волной. Во время одной из разрушительных бомбежек Павла засыпало землей – с головой. Его спас, откопав, командир отделения, которого Павел накануне вырыл из такой же могилы...

Им дали приказ – не отступать, ждать подкрепления, и оставшиеся в живых шесть человек поползли к ближнему леску, где напоролись на подкраившихся с тыла немцев... Так началось трехлетнее хождение Павла по мукам фашистского плена.

Сначала их бросили в пересыльный лагерь на территории Латвии, где он пробыл полтора месяца. Кормили там пленных баландой из требухи, давали по 50 граммов хлеба в сутки. Как-то Павел решил обменять порцию хлеба на миску баланды, и его раздуло до неузнаваемости. Знающие люди отсоветовали ему повторять этот опыт...

Потом пленных отправили в Германию, затолкав в вагоны по шестьдесят человек. На всю дорогу дали по буханке хлеба на человека.

Среди пленных было много уроженцев Средней Азии, и они, объединившись, отбирали хлеб у ослабевших пленных, которые не могли

дать им отпора... Павел Киселев не только не отдал свой хлеб, но и не позволил выродкам ограбить друзей. В вагоне властвовала одна мораль – выживает сильнейший... На каждой остановке из вагона выносили до пяти трупов – голод и болезни делали свое черное дело.

В Германии Павел Андреевич оказался в крупном лагере для военнопленных, откуда их гоняли на работу на военный завод, выпускающий снаряды. Истощенный до предела, он был не в силах даже поднять кирпич... Получив травму руки, от которой пошло заражение, попал в госпиталь для пленных. Кормили там немножко получше – давали кашу и по шестьсот граммов хлеба в сутки; лечили рану.

После госпиталя Павла отправили на горные разработки открытого типа, где он и пробыл до марта 45-го, когда их освободили американцы.

Известно, как относились у нас к вернувшимся из плена. То же пережил и Павел Киселев: первые полгода его чуть не ежедневно допрашивали, дотошно проверяя правдивость рассказа о том, как попал в плен и чем там занимался... Уже после Победы, получив «чистые» документы, он в числе добровольцев отправился восстанавливать Донбасс – дома его никто не ждал, семья погибла во время войны.

Так начал свой мирный трудовой путь бывший «особист». Побыв три года на шахтах, с новой семьей уехал в Нижний Тагил, затем в Челябинск, а в 1986 году приехал в поселок Комсомольский.

ВОЙНА

Хлестнуло слово, словно бич –
"Война!" – как громом полоснуло!
По всей стране пронёсся клич,
И даже трезвых пошатнуло.

И в тот же день ушли отцы
И братья старшие сражаться.
И в тот же день и стар, и млад –
Все разучились улыбаться.

Я помню, как отец ушёл,
Рукой махнувши нам с пригорка.
Как дым от папиросы шёл,
Как пахла свежая махорка.

Как сразу постарела мать,
Как быстро взрослыми мы стали...

Без слов мы стали понимать
И всё, что нужно, фронту дали.

Терпели холод, хворь и зной
И непосильную работу.
Перетерпели голод злой,
Трудились до седьмого поту.

Но вот дождались мы конца!
Минули дни чернее ночи.
Дождались с фронта и отца,
Хотя изранен был он очень.

Теперь уж больше полстолетья
Нас отделяет от войны,
А жизнь – сплошное лихолетье,
Как наказание – без вины!

В. КОСАРЕВ

КОНОВАЛОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1926 году. Когда началась война, он закончил 7 классов, и до ноября 1943 года, когда его призвали в армию, работал в колхозе.

В июне 44-го был направлен на Второй Прибалтийский фронт, в 10-ю ударную армию, 85-й стрелковый полк. 24 августа этого же года был тяжело ранен, до конца марта 1945 года находился на лечении, после чего был направлен на учебу в 39-й учебный танковый полк.

В 1947 году был направлен в 34-й танковый полк командиром орудия. Службу проходил в Белоруссии и Финляндии.

Демобилизовался в марте 1950 года.

Имеет награды: ордена Отечественной войны 2-й степени и Трудовой Славы 3-й степени, медаль «За победу над Германией», юбилейные медали.

ЭХ, ДОРОГИ!..

Дорога отступления,
дорога наступления,
дорога искупления
просчетов и вины.
Живой – судьба солдатская,
погиб – могила братская,
таков закон войны.

Легко ли не отчаяться?
Весы войны качаются,
покуда не кончается
набор особых гирь.
Не Дед Мороз морозами
начал клонить их доземаи
и не одна Сибирь.

От рядовых до маршалов
мы в батальонах маршевых.
От мирного, вчерашнего
мы все отрешены.
Хоть доля и не равная,

но связь меж нами кровная
и жертвенного нашего
не счесть в судьбе войны.

Да ты ль железнокаменный,
народ мой помыкаемый?
В каких мощных веках мы
копили свой размах?
Какую кровь не бедную
смешали мы с Победою,
чтоб враг в ней размяк?

Дадим кануться нытику,
нахвастаться политику
и примем самокритику
с начальной стороны –
с дороги отступления,
с дороги наступления,
с дороги искупления,
просчетов и вины!

Е. ВДОВЕНКО

КОЖЕВНИКОВ ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ

Если бы не война, стал бы Владимир Кожевников, наверное, художником. В детстве тяга к расписыванию стен, заборов мелом и углем была настолько сильна, что юного "Айвазовского" (так называли его близкие и соседи) не могли остановить никакие увещевания родителей. А ещё он мечтал стать архитектором.

В конце не очень сытых сороковых годов талант художника поможет фронтовику Кожевникову зарабатывать рисованием киноафиш на кусок хлеба. Это будет потом. А сначала... сначала была война.

В начале 1941 года, когда рядовой Кожевников из Новосибирска проходил срочную службу в запасном учебном полку десантником-лыжником, приближение войны чувствовалось во всём. И особенно в том, насколько серьёзно и целенаправленно готовили молодых солдат к участию в боевых действиях.

Через пять месяцев после нападения фашистской Германии на Советский Союз, сибирские дивизии эшелонами перебросили под Москву.

— Немцы рвались к самому сердцу страны — к столице. Мне сейчас больно читать и слышать о том, что война застала СССР врасплох. Это неправда. Наша армия была готова к войне. Сталин поставил миллионы людей под ружьё. Все мы были сыты, хорошо одеты и обуты. Военной техники, правда, не хватало. Но столько в нас было силы духа и веры, что даже в самом начале вторжения гитлеровцев на нашу территорию никто не сомневался в победе.

Перед первым боем солдаты, за плечами которых была финская война и Халхин-Гол, говорили молодым и безусым: "Сынки, не бойтесь! Не первый раз немца бьём." И чтобы "сынки" смогли справиться с волнением, с громким стуком сердца под шинелями, давали каждому порцию табака из кيسов. Владимиру Кожевникову в ту пору было всего 20 лет.

— Мы тогда располагались на Можайском направлении и были приставлены к коннице генерала Доватора. Получили задание не пропустить к Москве вражеские эшелоны. Необходимо было взорвать поезд, а передвигались мы вслед за кавалеристами на лыжах, держась за стропы, да ещё с пулемётами.

После взрыва гитлеровцы вывалились из вагонов, и тогда я впервые увидел живых фашистов. Крепкие были ребята, действительно, самые отборные дивизии посылал Гитлер на Москву. Врага убивать не страшно. Или ты противника, или он тебя. В рукопашный бой мы шли кто с чем: с ножами, штыками, лопатами, зубами рвали. Отогнали мы фрицев от Москвы, отбросили на 450 километров. За участие в обороне столицы я получил свою первую медаль "За отвагу".

Солдатские дороги выводили В. Я. Кожевникова из одного пекла и приводили в другое. Довелось участвовать ему и в Сталинградской битве. Казалось, горел весь город, его отвоёвывали шаг за шагом. Бывало так, что за сутки корпуса Сталинградского тракторного завода по несколько раз переходили из рук в руки: то к немцам, то к нашим.

Потом лейтенант, командир штурмовой группы Кожевников освобождал Прибалтику. Через Литву советские войска вышли на первый немецкий город. Когда брали Кенигсберг, разведчик Кожевников был уже в чине капитана. Гитлеровцы пытались укрыться от преследования любыми путями. Зная, сколько горя они оставили после себя, боясь встречи с русским "Иваном", они предпочитали сдаваться на милость американцев.

— У нас была цель — отрезать пути отступления немцев и уничтожить их. Мирное население мы не трогали. В стремлении избежать возмездия, спастись во что бы то ни стало немецкие офицеры прикрывались собственными семьями: жёнами, детьми.

В конце апреля 45-го, когда до Победы было рукой подать, в Кенигсберге на моих глазах погибли старшина и два солдата. Выстрелы раздались с чердака красивого белого особняка. Какая поднялась во мне злость! Невыносимо жаль было терять ребят в самом конце войны. И по моей просьбе танкисты точным выстрелом разнесли чердак, откуда стреляли в нас фашисты. А в особняке, оказывается, были ещё женщины и дети. Этого мы знать, конечно, не могли.

С нас сорвали погоны, разжаловали и по приговору трибунала отправили в штрафной батальон. Через несколько часов мы, штрафники, взяли в Кенигсберге Литовский вал — самый укрепленный участок немцев. И звание мне вернули, и медалью "За боевые заслуги" наградили.

И ранен был Владимир Яковлевич, и контужен, и товарищей хоронил несчётное количество раз. Но никогда не плакал так, как в день встречи с родными. Из трёх братьев Кожевниковых, ушедших на Великую Отече-

ственную, судьба оберегла только его. Павел погиб под Ленинградом, Николай сгорел в танке на Курской дуге. Считал Владимир Яковлевич это высшей несправедливостью и очень часто задавал себе вопрос: почему так жестоко распорядилась война? У братьев остались жёны, дети, а ведь он был холостой, самый младший.

Владимир Яковлевич Кожевников, 1921 года рождения, награждён многими боевыми наградами, в том числе двумя орденами Великой Отечественной войны. В 1968 году, когда обосновывались в п. Комсомольском газавики, приехал сюда по приглашению П. Т. Буряка. Строил компрессорные станции по всему Северу. Это ему достались балки на трассах, где спали в шубах, а шубы примерзали к стенам.

Капитан Кожевников жил с женой и внучкой в скромной квартире по улице 40 лет Победы. Писал картины, чаще пейзажи, дарил их друзьям и знакомым. Была у него заветная мечта: написать огромное полотно, панораму. В жестоких боях на вражеской земле полк, где воевал Владимир Яковлевич, не дал фашистам взорвать мост через реку Неман. Семьсот советских солдат вступили в бой, а из боя живыми вышли только двести... По воде тогда почти вплотную друг к другу, вперемешку плыли мёртвые русские и немцы.

К сожалению, осуществить эту мечту Владимир Яковлевич не успел, как не успел дожить до 55-летия Великой Победы.

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.
В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.
До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.
Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.
И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.
Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числится в потерях.
И, хроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.
И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.
Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;
И с теми, что ее великий путь

Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;
И с теми, что под самую Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимою сорок первого; и с теми,
Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанным не чуждою рукою.
Со всеми — пусть не равен их удел, —
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел.
Такой был срок ему отпущен малый.
Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ,
— Со всеми, до единого со всеми
Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.
Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.
И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят, не утихая,
И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, —
Смогли б ли мы, оставив их вдали,

Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли,
И слухом их не слышать мир отчасти?
И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрёка?
Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет, не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.
К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.
Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.
В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.
Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу.
Как у живых, — я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,
Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.
Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

А. ТВАРДОВСКИЙ

КУЛЕШОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА

Галина Ивановна Кулешова родилась в 1922 году в Воронежской области, в небольшом селе с красивым звучным названием Лесное Уколово. До Великой Отечественной войны работала в своем колхозе заведующей детским садом.

Как и у всех советских семей, жизнь изменилась в одночасье 22 июня 1941 года. В 1941-м муж ушел на фронт, а в 42-м вместо долгожданного письма получила на него похоронку...

Когда Сталин обратился к комсомольцам с призывом встать на защиту Родины, пошла на фронт, оставив семимесячную дочь с больной матерью.

"Из деревни набралось 12 девушек-комсомолок. Ночью нас от сельсовета увезли на станцию Острогожск, погрузили в товарный поезд и повезли в Подмоскovie, на станцию Масловка. Там выдали обмундирование и начали обучать воинским премудростям. Приняли присягу". – Так в автобиографии Галина Ивановна описывает начало своей военной службы.

1200 девушек из Воронежской и Тамбовской областей готовились к отправке на передовую. **"И вот однажды утром выдали новое обмундирование, винтовки, погрузили в вагоны и повезли на фронт. Почти все девушки плакали, никому не хотелось умирать,"** вспоминает ветеран. – Наша армия, разбив немцев под Москвой, шла в наступление, и мы вместе с ней. Так дошли до Польши."

Сначала девушке пришлось стать поваром – ее предшественник погиб, – и готовить для бойцов 72-й роты связи. Но с завидным упорством ежедневно она посещала занятия связистов, училась работать на рации и стала-таки связистом. Не раз приходилось бывать под огнем противника – где короткими перебежками, где ползком передвигалась от окопа к окопу, восстанавливала связь, перевязывала раненых.

"Подошли почти вплотную к Берлину. Была свидетельницей встречи наших солдат с американскими. Победа застала меня в Германии, под Берлином. Все ликовали, стреляли из винтовок..." В 1945 году в Кенигсберге встретила всего нескольких знакомых девушек, остальные погибли", – пишет бывшая фронтовичка.

За свой ратный подвиг рядовой роты связи Г. Кулешова была награждена медалями "За боевые заслуги", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг."

В 46-м, наконец, наступил день возвращения домой, долгожданной встречи с родными. "Дочке уже было 3 года и 3 месяца. Маму она, конечно же, не узнала, но радостно сообщала всем: "К нам солдат приехал, много гостинцев привез!" – продолжает свое повествование Галина Ивановна. От матери узнала, как та с внучкой пережила страшные дни оккупации, услышала леденящий душу рассказ о зверствах фашистов, уничтожавших ни в чем не повинных стариков и детей... Когда шла битва за Дон, село шесть раз переходило из рук в руки. Фронтовичке повезло: родные люди остались живы.

Предстояло налаживать мирную жизнь, и бывшая связистка стала штукатуром-маляром.

Сегодня Галина Ивановна на пенсии, и, как водится, накануне Дня Победы вспоминает фронтовые будни и своих боевых друзей...

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему всё не так? Вроде – всё как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только – он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас –
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал, –
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, – не про то разговор:
Вдруг заметил я – нас было двое...
Для меня – будто ветром задуло костёр,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, будто из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» — а в ответ — тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, —
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих...
Всё теперь — одному, — только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.

В. ВЫСОЦКИЙ

ЛИХАЧЕВ ИЛЛАРИОН НИКОЛАЕВИЧ

По-разному складывались фронтовые судьбы участников Великой Отечественной войны. Кому-то пришлось сражаться в рядах пехоты – “царицы полей”, кому-то хлебать солёную водичку на Балтике, кому-то в составе войск НКВД ловить по лесам самостоятельную нечисть. Для Иллариона Николаевича Лихачёва передним краем стала его “газушка”, баранку которой он крутил все четыре огненных года.

В декабре 1940 года девятнадцатилетним парнем И. Н. Лихачёва призвали в армию. До этого он успел окончить семилетку и поработать в одном из леспромхозов Свердловской области. Служба началась с танкового училища в городе Пушкин под Ленинградом. После начала войны их 49-й танковый полк перебросили на фронт. Ветеран вспоминает:

– Войну мы позорно начали. В нашем полку на вооружении состояли танки БТ-5, БТ-7 и Т-26 с огнёмётами. Что с них толку? Немцы из крупнокалиберного пулемёта очередь дадут – и они горят, как свечки. Совсем другое дело, когда к нам “тридцатьчетвёрки” поступили. Поначалу фашисты любили “психические” атаки предпринимать, в полный рост шли. Метров с пятидесяти начинали из автоматов палить. Куда против них с винтовочками...

Много чего довелось пережить Лихачёву – и бомбёжки, во время одной из которых он был контужен, и окружение с последующим разжалованием в рядовые. Часто приходилось оставлять кабину и брать в руки оружие. А сколько побитых пулями и осколками машин довелось сменить за эти годы!

Демобилизовался И. Н. Лихачёв 15 августа 1945-го. Где только не трудился после этого Илларион Николаевич: на Дальнем Востоке, в родной Свердловской области, в Кондинском районе Тюменской. Почти всю жизнь проработал водителем. Сколько тысяч километров проехал за эти годы – кто станет считать? С 1996 года живёт ветеран в Югорске. Рад Илларион Николаевич тому вниманию, что оказывают фронтовикам власти.

— Вот вчера опять из округа поздравляли, подарок вручили. Одно время после войны о нас совсем забыли, а потом ничего, стали приходить. Спасибо им.

Войну ветеран, награждённый орденом Отечественной войны, медалями “За победу над Германией” и юбилейными, вспоминает часто.

— Много друзей схоронено, у меня двух зятьёв поубивало. Как не вспоминать...

ЛЫСАК ВАСИЛЬ КАСЬЯНОВИЧ

Лысак Василь Касьянович родился в 1922 году на Украине, в Киевской области.

В 1940 году пошел в армию, и его направили в школу сержантов в Алма-Ату. Закончив «учебку», остался служить там же инструктором. Так до 43-го года и обучал новобранцев, а в том, переломном сорок третьем попал на передовую — сразу в грандиозное сражение на Курской Дуге. Его зачислили в отдельный батальон связи 77-го корпуса 47-й армии. Вот от

Курска он и дошел до Берлина — через опустошенные войной Украину, Белоруссию, Польшу...

Василь Касьянович, будучи связистом, все эти годы находился рядом с передовой, и хоть в атаку не ходил, но хлебнул лишенька вдоволь: бомбежки, артобстрелы, во время которых приходилось восстанавливать уничтоженную связь, — самые яркие воспоминания военных лет. Кроме, может быть, одного: на окраине какого-то украинского села его взвод вытащил из колодца 66 трупов малышей...

— Кто детишек тех утопил, зачем — не знаю, но слава Богу, что я их матерей не увидел!.. — говорит Василь Касьянович.

Черные метки жестокой войны, оставшиеся в душе ветерана, не стираются с годами. А раны телесные хоть и зажили, но последствия контузии, перенесенной на ногах, когда он не ушел из строя, на склонах все больше дают о себе знать. Вот и сейчас так хочется старому солдату побывать дома, на ридной Украине, еще хоть разок взглянуть на свою хату, на облитые белым цветом сады — да здоровье не позволяет...

**Что от жизни осталось?— лишь горькая память...
А года все бегут под уклон...
За наш мир и покой, завоеванный вами,
Низкий вам, ветераны, поклон!**

МАКОВЕЕВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ

Когда началась война, 17-летний уроженец деревни Токтары Горьковской области, Борис Маковеев учился в ремесленном. Родная деревенька быстро опустела – все мужчины призывного возраста ушли на фронт. Вскоре оттуда стали приходить похороны... Разве могли мальчишки в такое время усидеть за партами? И Борис вместе с тремя друзьями, оставив учебу на «потом», явился в военкомат по месту жительства.

– Призывали нас в августе 42-го, – вспоминает ветеран. – Женщины из деревни нас словно на верную смерть провожали, со слезами и причитаниями. А старики напутствовали: «Идите, воюйте. Если вы не справитесь, мы на подмогу придем». Так вот из четверых я один вернулся...

Попал Борис Маковеев в «учебку» под Москву, в 159-й полк войск МВД. Два месяца учебы пролетели быстро.

– Кормили нас очень плохо, совсем за это время отощали, – вспоминает Борис Константинович. – В тот момент немцев уже отогнали от Москвы, шли сильные бои под Сталинградом. Со дня на день мы ждали отправки на фронт. Из Ставки Верховного главнокомандующего генерал приехал на нас посмотреть. Во время смотра шесть человек от истощения в обморок упали... Генерал уехал, а нам выдали винтовки, патроны, гранаты, погрузили в эшелон и отправили на запад. Слух прошел – едем под Сталинград. А как стало известно в Ставке о нашей «боеготовности», эшелон с полпути повернули на Дальний Восток. Может быть, от верной гибели спасли – в полку нашем большинство солдат – мальчишки 17–18 лет, много ли навоевали бы? В этот же эшелон ребят-дальневосточников погрузили, кого мы сменили, они и поехали бить немца под Сталинград...

После месяца учебы рядовой Маковеев был направлен на Камчатку, в 60-й ордена Ленина морпогранотряд.

– Главной нашей задачей было, – вспоминает ветеран, – любой ценой сохранить мир, не спровоцировать войну с Японией. И нам это удалось, хотя выдержка требовалась немалая. Однажды в распо-

ложении заставы высадился японский военный десант. Мы в окопах сидим, в полной боевой готовности, но никаких действий не предпринимаем. Походили-походили японцы по берегу, да и ушли. Начальник заставы за тот случай орден Красной Звезды получил – за выдержку. Регулярно в наших водах курсировали японские военные корабли. У нас действия для таких случаев хорошо отработаны были: расчехливаем орудия, «в ружье!», в окопы. И так всю службу.

О начале войны с Японией мы узнали накануне, 8 августа – командование заставы сообщило. На нашем участке заставы протяженностью 50 километров находились японские рыбзавод на 1600 мест и рыббаза, работающие по концессии. 9-го по рации поступил приказ потопить японский пароход, подошедший для погрузки продукции, а всех работающих на предприятии японцев взять в плен...

С поставленной задачей воины блестяще справились, взявшихся было за ножи японцев, которых оказалось значительно больше, чем предполагалось, разоружили и доставили в район.

В середине августа Б. Маковеев был направлен в сборный батальон, формировавшийся в Петропавловске-Камчатском. В тихую летнюю ночь батальон под командованием капитана Кожевникова высадился на один из островов Курильской гряды.

– Высадились мы удачно, – продолжил свой рассказ Борис Константинович. – А вот когда с рассветом пехота на самоходных баржах высадку начала, японцы открыли артиллерийский огонь, много наших погибло. Ну, а после японцы начали флаги белые поднимать, нашей основной задачей стало конвоирование пленных. Следующие острова занимали моряки и десантники из Охотска...

После окончания войны с Японией Б. К. Маковееву еще долго не удалось снять военную форму. Демобилизовался он лишь в 49-м в звании младшего сержанта. В память о войне хранит бывший солдат медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», орден Отечественной войны.

Возвратившись в родные края, выучился на шофера. Долгое время работал в Пижемском леспромхозе крановщиком. Леса стране нужно было много: восходу шло восстановление хозяйства, бурное строительство. Постепенно леспромхозы в Горьковской области стали закрываться, и в 69-м Б. К. Маковеев перебрался на Север, в Комсомольский ЛПХ, где до выхода на пенсию трудился по прежней специальности.

Но и сегодня поддаваться старости Борис Константинович не желает. Много лет он занимался спортом, да и сейчас основным лекарством от прожитых лет и болезней считает физический труд. Огромный пласт жизни семьи Маковеевых связан с нашим городом. Каждый год ветеран ездит на родину, но менять место жительства не намерен – здесь живут дочери с семьями, бывшие товарищи по работе, хорошие знакомые.

– Правильно в песне поется – «приехали на год, остались навсегда», – улыбнулся ветеран. – Здесь – моя вторая Родина...

МАРКОВА КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Ксения Васильевна Маркова (Букреева) родилась 20 декабря 1921 года в селе Малошумаково Челябинской области. Когда ей было пять лет, ее семья переехала в г. Троицк. Там она закончила школу, в 1938 году устроилась работать на железную дорогу телеграфисткой. Незадолго до войны познакомилась со своим будущим мужем, и в январе 41-го в городе появилась новая семья. Весной супруги Марковы переехали на постоянное место жительства в Иркутск. Обжиться толком не успели – грянула война...

Муж добровольцем ушел на фронт, а Ксения Васильевна устроилась на работу. По неопытности не задумывалась о том, что приобретенная специальность телеграфиста обязывает встать на воинский учет. В 42-м неожиданно получила повестку из милиции.

– Почему дезертируете, отлыниваете от фронта?! – строго спросили там. – Выбирайте – тюрьма или фронт...

Уже на следующий день девушка в составе двухтысячной группы таких же, как она девчонок и молодых женщин была отправлена на Дальний Восток, на смену мужчинам-морьякам, взятым на фронт.

– Приехали мы во Владивосток, прошли курс молодого бойца. Потом нас переодели в военную форму, сначала поездом, а затем по морю доставили в бухту Ольга. Распределили по частям. Попала я в 73-й отдельный артиллерийский батальон береговой обороны Тихоокеанского флота, – вспоминает Ксения Васильевна.

Сначала девушку определили в повара, а затем, узнав о довоенной специальности, перевели в радиотелеграфисты. В марте 43-го перебросили на новую точку – в 208 отдельную роту связи, где она прослужила до августа 1946 года.

– Держали связь с подводными лодками, самолетами, кораблями, принимали шифровки, – рассказывает Ксения Васильевна. – Война чувствовалась и на Дальнем Востоке. Не раз японские корабли нарушали границу, заходили в наши территориальные воды. Тогда объявлялась боевая тревога. Всклакивали, на ходу одеваясь, хватали оружие. Я до сих пор номер своей винтовки помню – 320470... Несли служ-

бу, как положено: стояли на постах, на вахту ходили, дневалили, дежурили. Охраняли склады с боеприпасами, овощехранилище, колодцы, чтобы беглые власовцы воду не отравили. На постах по шесть часов стояли, сапоги к ногам примерзали — придешь, а снять не можешь... Летом жили в палатках, зимой — в казармах.

Однажды Ксении Васильевне даже удалось задержать нарушителя, пробравшегося в продуктовый склад. Правда, это оказался никакой не бандит, а просто голодный новобранец. Задержанный получил десять суток ареста, а девушка — благодарность за бдительность. А как-то раз довелось ей в составе десанта побывать в Порт-Артуре...

После окончания войны Ксению Васильевну и других «старичков» оставили обучать новеньких, так что демобилизовалась она лишь в августе 46-го. Вернулась в Иркутск с боевыми наградами — медалью «За победу над Японией», орденом Отечественной войны.

Ее супруг, всю войну бывший фронтовым шофером, исколесил немало военных дорог, возил грузы по дороге жизни в блокадный Ленинград, неоднократно был на волоске от гибели. Но — выжил, вернулся домой, демобилизовавшись на месяц раньше жены. После пятилетней разлуки встретились в Иркутске...

Вскоре Марковы вернулись в Троицк, затем переехали на постоянное место жительства в Южноуральск. Муж работал шофером, а Ксения Васильевна воспитывала троих детей. Пятнадцать лет отработала она на военном заводе. Дети выросли и, как водится, разлетелись из отчего дома... В 87-м Ксения Васильевна похоронила супруга. Пожив какое-то время одна, переехала к дочери и ее семье в Югорск.

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
Умирает юная Джульетта.
Праздничные ярусы и ложи
Голосок Офелии тревожит.
В золотых и темно-синих блесках
Золушка танцует на подмостках.
Наши сестры в полутемном зале,
Мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
Наши жены примеряли каски.
Не в садах Перро, а на Урале
Вы золою землю удобряли.
На носилках длинных под навесом
Умирали русские принцессы.
Возле, в государственной печали,
Тихо пулеметчики стояли.
Сняли вы бушлаты и шинели,
Старенькие туфельки надели.
Мы еще оденем вас шелками,
Плечи вам согреем соболями.
Мы построим вам дворцы большие,
Милые красавицы России.
Мы о вас напишем сочиненья,
Полные любви и удивленья.

Я. СМЕЛЯКОВ

МИКУЛИНСКАЯ ПАВЛА НИКОЛАЕВНА

В 1942 году Павла Николаевна Микулинская была призвана в армию, прошла весь путь до Победы. Воевала в составе Белорусского, Ленинградского, Украинского фронтов санинструктором в танковой роте.

День Победы застал её в двадцати восьми километрах от Дрездена, где встретились союзные американские и советские войска. Затем всех девушек перевели в Австрию, откуда и демобилизовали.

На всю жизнь осталась в памяти блокада Ленинграда. Павла Николаевна вспоминает:

– Ленинградская блокада... Голод, холод, бомбёжки, обстрелы, зажигательные бомбы... Всё кругом горит... Люди – как живые скелеты, еле ходили, но всё равно шли на заводы к своим станкам.

У нас в госпитале раненные умирали до операции – врачи не успевали оперировать...

Помню один страшный день. Госпиталь находился недалеко от железнодорожной станции. Однажды там оказался состав со снарядами и санитарный поезд. Вдруг начали рваться снаряды, всё загорелось, и поезд с ранеными тоже... Мы ползком добивались до состава, вытаскивали из огня обгоревших раненых, но многих тяжелораненых спасти не смогли... Рядом со мной был ранен санитар, который тут же умер...

Инвалид Великой Отечественной, Павла Николаевна Микулинская награждена медалью "За боевые заслуги". Она – ветеран труда, с 1978 года находится на заслуженной пенсии. В Югорске живёт с 1990 года.

Есть имена и есть такие даты,
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты,
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

А. ТВАРДОВСКИЙ

МИКУШИН

ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

В 1942 году учителю сельской школы Григорию Николаевичу Микушину пришлось оставить свою сугубо мирную профессию и взять в руки оружие.

Родился Григорий Николаевич в 1918 году в деревне Трехозерная Буткинского района Свердловской области. Закончил восьмилетку, поступил в Талицкое педучилище. Работал учителем начальных классов в родной де-

ревяне. Так бы и воспитывал педагог Микушин детишек, сея разумное, доброе, вечное, если бы не обрушилась на страну страшная война...

В первый военный год ушли на фронт многие земляки, а в начале 42-го наступил и его черед. После шестимесячного обучения в Уфимском пехотном училище Г. Н. Микушин был направлен в формирующуюся в Кургане 46-ю бригаду. Новоиспеченный лейтенант получил под свое командование взвод ребят-дальневосточников и направление на Северо-Западный фронт. Боевое крещение принял под Старой Руссой в составе 936 стрелкового полка.

— Поступил приказ выбить немцев с занятых позиций, — вспоминает ветеран. — Мы пошли в наступление. Ребята в основном все молодые, необстрелянные. Неподалеку от вражеских позиций попали под плотный минометный огонь. Видно, место это было хорошо пристреляно. Из моего взвода многие ребята тогда были убиты или ранены... Пришлось отступить, занять оборону. Дня через четыре нас перебросили ближе к Новгороду, поставив задачу: перерезать железную дорогу, по которой немцы получали продукты и оружие. Несколько раз выбивали фашистов из укрепленных дотов, перерезали дорогу. Получив подкрепление, они вновь теснили нас, мы отступали в лес...

В одном из таких боев 12 апреля 1942 года Григорий Николаевич был тяжело ранен. Попал в полевой госпиталь, а затем началось скитание по тыловым госпиталям, растянувшееся на 4,5 месяца: Городец, Кострома, Златоуст. В августе 42-го он, наконец, распрощался с врачами и отправился на поправку домой — врачебная комиссия признала его непригодным к несению военной службы. Боль-

ше года Григорий Николаевич долечивался дома, а где-то в конце 43-го или начале 44-го, когда наша армия уже вела бои на территории других государств, был направлен в Свердловский запасной полк, сформированный из таких же, как он, инвалидов, ограниченно годных к службе.

— Попал я в отдел снабжения горючим Белорусского фронта. Доставлял горючее нашим механизированным частям. Побывал около австрийской границы, в Кенигсберге, Зальцбурге, Дрездене... — вспоминает он.

Конец войны Г. Н. Микушин встретил под Берлином, дослуживал в запасном офицерском полку. 19 ноября наступил, наконец, день долгожданной демобилизации.

После возвращения в Трехозерку бывший фронтовик вновь преподавал в начальных классах, работал военруком. Так как училище в свое время не закончил, из школы спустя какое-то время пришлось уйти. Устроился в химлесхоз, позже был направлен в Гаринский район Свердловской области, где несколько лет работал мастером на подсобном участке. А потом судьба опять сделала крутой вираж, вернув его на учительскую стезю, да еще и забросив в далекую северную деревеньку Вершина, где он долго работал в начальной национальной школе. Там обзавелся Григорий Николаевич спутницей жизни, там с супругой Евдокией Алексеевной вырастили пятерых детей, вышли на пенсию.

С 83-го года семья Микушиных проживает в Югорске. Здесь же живут семьи двух сыновей и дочери и пятеро из тринадцати внучат. Вниманием детей и внуков старшие Микушины не обделены, основная проблема — здоровье, а его с годами становится все меньше. Так что главное пожелание Григория Николаевича ветеранам — быть здоровыми.

На «парадном» пиджаке бывшего фронтовика, который бережно достала из шкафа супруга ветерана, его боевые награды — орден Красной Звезды, две медали «За отвагу», орден Отечественной войны I степени, юбилейная медаль «Георгий Жуков». Награды, оплаченные кровью и тяжелым ратным трудом, напоминающие о трудных, но незабываемых годах, боевых товарищах, о той цене, которой была оплачена победа.

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
тот поймет эту правду, — она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, —

это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

С. ГУДЗЕНКО

ПУСТЬ БУДЕТ ВЕЧНЫМ ЭТОТ ОГОНЬ!

Мемориал Защитникам Отечества и первопроходцам земли Югорской сегодня – самое почитаемое горожанами место. Сюда обязательно приходят в День Победы 9 мая представители всех поколений, чтобы отдать дань уважения живущим и ушедшим ветеранам Великой Отечественной войны, солдатам, погибшим на полях сражений. Пламя Вечно-го огня соединяет и согревает души тысяч людей.

Мемориал был открыт 29 августа 1998 года, когда праздновались Дни города Югорска. Воедино слились чаяния людей и устремления городской власти – взвился в небо серебряный самолет, а под ним – живое пламя, объединившее погибших в годы Великой Отечественной войны солдат, защищавших в мирное время наши рубежи воинов и осваивавших таежные просторы первопроходцев.

Открытие мемориала было не просто торжественным. Витал над этим местом дух высшей справедливости, словно и те, ушедшие, кому посвящен мемориал, незримо присутствовали на празднике, преисполненные благодарности...

Звучала музыка, нетленные мелодии сопровождали весь ход открытия мемориала, которое началось обращением главы города Югорска Р. И. Бзенко к собравшимся. Ветеран войны, старожил города, почетный гражданин Югорска А. Г. Яженских зажег Вечный огонь факелом, частицей такого же неугасимого пламени, что полыхает у памятника «Наказ матери» в г. Советском. В Югорске вспыхнула новая звезда – символ благодарности тем, кто защищал и созидал жизнь на нашей суровой и прекрасной земле. И пусть этот огонь будет вечным!

МОРКОВКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Судьба Николая Ивановича Морковкина во многом похожа на судьбы тысяч и тысяч его сверстников. Большая семья, в которой, кроме него, было еще пятеро детей. Не слишком богатая деревенская жизнь. Работа на железной дороге, фабрично-заводское училище. Вот основные вехи его доверенной биографии.

Из родных мест – деревни Ляпино Горьковской области – в феврале 1942 юноша был призван в армию. Было ему в ту пору восемнадцать... После «учебки» в декабре 43-го был направлен на фронт. И вот он уже боец действующей армии – автоматчик 140 гвардейского стрелкового полка 47-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта.

Боевое крещение молодого солдата произошло возле села Михайловское Днепропетровской области.

– На фронте я недолго пробыл, – говорит Николай Иванович. – Всего-то месяц на передовой. Заняли оборону километрах в трех от села, около месяца сидели в окопах. Там меня и ранило...

Свой первый бой Николай Иванович помнит во всех подробностях. И то, как под вечер фашисты пошли в наступление. И как была отбита первая волна наступающих. Как потом наши бойцы бросились в атаку...

После трехмесячного пребывания в госпитале он попал во вновь сформированный полк. Пешим ходом из Кривого Рога солдаты дошли до Одессы, заняли, согласно приказу, оборону. Долго повоевать Николаю Ивановичу не довелось – был контужен, вновь попал в госпиталь, а в августе 44-го с сопровождающим его отправили домой на поправку.

Спустя месяц – вызов в военкомат, отправка на пересыльный пункт в Горький, погрузка в вагоны. «На фронт!» – решил он. Оказалось, не на фронт. Попал Н. И. Морковкин в охрану госпиталя военнопленных, располагавшегося в пяти километрах от его родного дома.

– Охраняли мы раненых немцев, японцев. Сначала в госпиталь этот направляли лишь пленных офицеров, потом всех принимать стали. Медперсонал – врачи, сестры, санитарки – был наш. В наши обязанности входили как охрана госпиталя, так и сопровождение поправившихся пленных в лагеря, находящиеся в Горьком, под Москвой, на Урале. Японцев отвозили во Владивосток...

Пленные, по словам Николая Ивановича, были совсем не похожи на наглых завоевателей: вели себя без спеси и грубости, вполне цивилизованно. Отношение к ним со стороны персонала госпиталя и охраны было ровным – ни особых симпатий, ни ненависти – лечили, охраняли, как полагается. «Кормили их, – вспоминает Николай Иванович, – намного лучше, чем работающих в госпитале наших людей...».

За годы службы в войсках МВД – а демобилизовался Н. И. Морковкин в августе 50-го, как раз в свой 25-й день рождения – повидал он многое. Довелось ему охранять ближайшего помощника маршала Паулюса, находящегося на излечении. На всю жизнь врезался в память и такой случай: подошел к охране мальчик-подросток, требует показать ему военнопленных. Дошел до капитана, добился того, чтобы пустили в госпиталь. И нашел-таки фашиста, расстрелявшего его родителей...

Во время службы в госпитале познакомился Николай Иванович со своей будущей женой. А началось знакомство совсем не романтично: не пропустил солдат на работу молоденькую сестру-хозяйку, потерявшую пропуск, да еще и неряхой обозвал – «разве можно так с документами обращаться!». «Вот бы такая неряха тебе в жены попалась!» – не осталась в долгу она.

В 47-м обзавелся Н. И. Морковкин семьей, в 48-м родился первый сын. После демобилизации устроился на работу в леспромхоз на родине, да так потом и кочевал с ЛПХ по стране – Пермская область, Советский район Тюменской области, Красноярский край... Часто вспоминает он красивый таежный городок Лесосибирск, берега Енисея, гордо несущего свои воды – 22 года прожил в тех краях, там похоронил супругу.

Правда, одиноким себя ветеран не чувствует – живет в семье дочери, два сына проживают рядом, в Советском, есть внуки, правнуки – словом, хандрить и скучать некогда.

Молодому поколению, будущим защитникам Родины: бывший солдат пожелал прежде всего мира: «Чтобы скорее закончилась заваруха в Чечне, чтобы не выпало на их долю того, что пришлось пережить нам...».

**Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог –
Кто считал, кто считал!..
Сообщается в сводках Информбюро
Лишь про то, сколько враг потерял.**

Но не думай, что мы обошлись без потерь –
Просто так, просто так...
Видишь – в поле застыл как подстреленный зверь,
Весь в огне, искалеченный танк!

Где ты, Валя Петров? – что за глупый вопрос:
Ты закрыл своим танком брешь.
Ну а в сводках прочтём: враг потери понёс,
Ну а мы – на исходный рубеж.

В. ВЫСОЦКИЙ

МОТОВИЧЕВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Алексей Васильевич Мотовичёв пошёл на войну в ноябре 1943 года в возрасте семнадцати с половиной лет. Вернулся домой в ноябре 50-го... На вопрос, почему так задержался, ответил просто:

– Так служить-то некому было, всех война прибрала. Вот и ждали, когда смена подрастёт...

... Сколько раз уже замечала: чем тяжелее досталось людям в войну, тем более скупы они об этом вспоминают. Да и время, наверное, берёт своё. Вот и рассказывают ветераны Великой Отечественной о своей послевоенной жизни, о молодости, детях и внуках – с удовольствием, охотно. Но как только коснутся памятью искореженных военных лет – уходят в себя, замыкаются...

Вот и Алексей Васильевич: о войне – односложно, о трудностях – буквально одной фразой ("Не знаю, как жив остался..."), а обо всём остальном – красочно, с юмором.

Взяли его служить во внутренние войска. До конца войны был в Румынии, "подчищали" страну от оставшихся и затаившихся фашистов. А в 45-м перебросили в Москву, где Алексею Васильевичу довелось участвовать в двух парадах – майском и Победы.

– Готовились долго, полтора месяца: тренировались, приводили в порядок форму. Во время подготовки к параду к нам в часть приезжали Покрышкин, Кожедуб, Конев... – рассказывает Алексей Васильевич. – 24 июня выдался дождливый, пасмурный день. Встали рано, до Красной площади идти далеко было. Нас ещё раз осмотрели, проверили. В восемь часов мы строем вышли на парад. Идём – батальон наш, "коробка" такая в двести человек – аж окна в домах гудят... Пришли, выстроились. Командовал парадом маршал Рокоссовский, принимал – маршал Жуков. Выехал он из Кремля на белом коне... Принял рапорт Рокоссовского, прошёл на трибуну, где стояли Сталин и правительство. Жуков выступил с речью – поздравил всех с победой – и начался парад. Первым прошёл полк с опущенными вражескими знамёнами, которые были брошены к подножию кремлёвской стены. Потом пошли мы. А дождь всё так и моросил...

В августе 1946 года Алексея Мотовичёва с полком направили в Литву, где он до 49-го года ловил бандитов.

– Настоящая война была... Стреляли из домов, из засад. Стоишь на посту – могут выстрелить, кинуть гранату. Сколько наших ребят погибло...

Неизвестно, сколько бы ещё пришлось Алексею воевать с бандитами, да только возьми и напиши он письмо аж самому Сталину: сколько, мол, можно – седьмой год без передышки?.. Других-то нашего призыва давно демобилизовали, а мы всё воюем. Отправил письмо – и со временем забыл о нём. А через несколько месяцев вызывает его командир: писал товарищу Сталину? Сердце ёкнуло – писал... Ну, мол, собирайся домой. Не ждал Алексей – такого счастливого оборота, рассчитывал на худшее, однако через две недели действительно поехал домой, в родную деревню...

Так вот закончилась война для "чекиста", как его называли на родине, Алексея Мотовичёва. Он вернулся, а вот его старшего брата и отца родные не дождались: оба "в списках не значатся"...

Светлая память вам, вечные солдаты. Низкий поклон и наша благодарность – за мужество в те страшные и нынешние жестокие годы – вам, оставшиеся в живых. И простите нас, если сможете...

Зима сорок первого года —
Тебе ли нам цену не знать!
И зря у нас вышло из моды
Об этой цене вспоминать.
А все жё, когда непогода
Забуть не даёт о войне,
Зима сорок первого года,
Как совесть, заходит ко мне.
Хоть шоры на память наденьте,
А все же поделишь порой
Друзей — на залегших в Ташкенте
И в снежных полях под Москвой.
Что самое главное — выжить
На этой смертельной войне, —
Той шулки бесстыжей не выжечь,
Как видно, из памяти мне.

Кто жил с ней и выжил, не буду
За давностью лет называть...
Но шутки самой не забуду,
Не стоит ее забывать.
Не чтобы ославить кого-то,
А чтобы изведать до дна,
Зима сорок первого года
Нам верною меркой дана.
Пожалуй, и нынче полезно,
Не выпустив память из рук,
Той меркой, прямой и железной,
Проверить кого-нибудь вдруг!

К. СИМОНОВ

НОСОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Георгий Сергеевич Носов родился в 1923 году в г. Калинин. Окончив 7 классов школы, пополнил ряды рабочего класса. До Великой Отечественной войны успел потрудиться грузчиком, слесарем-сантехником, слесарем-инструментальщиком, слесарем по ткацким станкам.

В 1942 году Пролетарским райвоенкоматом г. Калинина был призван в ряды Советской Армии. Попал Георгий Сергеевич в пехоту – «царицу полей». С 1942 по 1945 год стрелок-пехотинец Г. С. Носов нес ратную службу. Участвовал в боях по освобождению Ельни, Витебска, Прибалтики, был ранен. Награжден орденом Отечественной войны.

Демобилизовался он в звании сержанта в победном 45-м. После войны много лет работал в леспромхозах – на Алтае, в Комсомольском – на подсосных участках, плотником в Комсомольском ЛПХ.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут – поют,
а перед этим

можно плакать.

Ведь самый страшный час в бою –
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.

Разрыв –

и умирает друг.

И, значит, смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черед.

За мной одним

идет охота.

Будь проклят сорок первый год

и вмерзшая в снега пехота.

С. ГУДЗЕНКО

НОСОНОВ ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1914 году. Был призван из Новоимжевского района Тюменской области. На Ленинградском фронте в артиллерийском полку воевал всю войну – с 1941 по 1945 год "рядовым солдатиком". Был дважды ранен – пулей в руку, осколком в ногу. После Победы вернулся на Родину, работал в Заводоуковском леспромхозе. В Комсомольский переехал в 1963 году, трудился в КЛПХ. Вместе с супругой Василисой Ивановной вырастил семерых детей, двое из которых живут и трудятся в Югорске. Сейчас у Виктора Васильевича 18 внуков и 11 правнуков. Награждён медалью "За отвагу", юбилейными медалями.

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Всего лишь час дают на артобстрел –
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до «вышки».
За этот час не пишем ни строки –
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы «штрафники», –
Нам не писать «...считайте коммунистом».
Перед атакой – водку, – вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку,
Поэтому мы не кричим «ура» –
Со смертью мы играемся в молчанку.
У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймает в грудь свинец –
Медаль на грудь поймает за отвагу.
Ты бей штыком, а лучше – бей рукой:
Оно надёжней, да оно и тише, –
И ежели останешься живой –
Гуляй, рванина, от рубля и выше!
Считает враг: морально мы слабы, –
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы –
В прорыв идут штрафные батальоны!
Вот шесть ноль-ноль – и вот сейчас обстрел, –
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству – до «вышки»...

В. ВЫСОЦКИЙ

ПАНОВ НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ

Ещё пять лет назад, до начала чеченской войны, мы считали безвозвратно ушедшими времена Великой Отечественной войны. А потому с иронией воспринимали эмоции ветеранов, пропускали мимо ушей их воспоминания. Оказалось – зря. Как вдруг случилось, что так легко нашли общий язык семидесятилетние и двадцатилетние фронтовики? Не потому ли, что история развивается по спирали, и пули под Шатом свистят точно так же, как под Сталинградом, Москвой или Кенигсбергом...

Тридцать лет отдал службе в рядах Советской Армии Николай Матвеевич Панов, пройдя путь от рядового до подполковника и от Подмоскovie до Восточной Пруссии, а затем до гарнизона Мансийский. Война пришла к ним в дом неожиданно-негаданно в виде танковых колонн со свастикой. Насажение "нового порядка" началось с того, что из толпы согнанных местных жителей гитлеровцы вырвали четырёх человек и тут же повесили – в наизидание и предупреждение. Но не все немцы были жестокими зверями. При отступлении наших войск на оккупированной территории остались брошенными много раненых красноармейцев. Окрестные жители собрали несколько десятков таковых в один из домов. За ними ухаживала одна медоестра, ни лекарств, ни перевязочных средств практически не было. Несколько раз туда заходил немец в военной форме, смотрел на умирающих, качал головой и говорил "шлехт" – "плохо". А потом пришёл безобразно растолстевший. Растегнул шинель, и на пол посыпались вата, бинты, бутылки с йодом. Он приходил несколько раз. Сколько тем самым немец сберёг жизней – кто знает.

Когда к январю 1942 года советские войска выжибли фашистов, шестнадцатилетний Николай Панов попал на строительство оборонительных сооружений. В составе строительного батальона возводил доты, дзоты, ходы сообщений, командные пункты, особенно долго на линии Елец–Лиепы–Ефремов.

– Сколько я земельки перекидал за эти полтора года – хватит на доплю и детей моих, и внуков. Зачастую под непрерывными бомбёжками и артобстрелами. Бывало, только отстроим линию обороны, как уже летит туча "юнкерсов". Перепашут бомбами всю передовую, а сверху ещё листовки разбросают с предложением переходить на сторону врага. Если такую находили у кого-нибудь из наших, итог был известен: трибунал и штрафная рота. Улетают самолёты – и вновь закипает работа.

Как эти оборонительные сооружения пригодились нашим войскам летом 1943 года, когда началась знаменитая битва на Курской дуге! К этому же периоду относится самое яркое воспоминание Николая Матвеевича о войне:

– Стояли мы тогда на охране моста. Глядим – наши “юнкерс” подбили, и он неподалёку садится. Ну, я схватил берданку и на лошадь, нас несколько таких горячих оказалось. Прискакали, смотрим – построился весь немецкий экипаж в поле по росту, вытянулись – марку держат. В это время за нами подъехал истребительный взвод, а фашисты как заорут: “Хайль Гитлер! Рус капут!”. Подошёл наш офицер к ихнему старшему, на его кресты показывает, за что, мол? Тот рапортует: “Лондон, Париж”. Вот так вот, всю Европу бомбил, а под русской деревней отвоевался!

В марте 1944-го, после достижения совершеннолетия, Панова призвали в действующую армию. Поначалу попал служить в артиллерийский полк. Когда же однажды спросили, кто желает воевать на бронепоезде, Николай Матвеевич не раздумывая шагнул вперёд. В бою зенитно-артиллерийский бронепоезд с двенадцатью 85-мм орудиями – страшная штука, такая крепость на колёсах. Там, где он появлялся, несладко приходилось врагу.

Советские войска понемногу освобождали нашу территорию, затем Польшу, дошла очередь и до Восточной Пруссии. Там орудия с бронепоезда сняли на землю, дали тягачи – и снова в бой, уже с разрозненными немецкими частями. День Победы командир орудия Панов встретил в прусском городке Алленштайне.

– Прибежала наша радистка, она неплохо английским языком владела. Говорит: ребята, союзники сейчас передали, что война кончилась. Командир приказал связаться с вышестоящим штабом и перепроверить это известие. А уж когда наши это подтвердили, такая пальба на радостях началась... Я сам из ППШ два диска выпустил.

Но и после Победы для многих солдат не убыло ратной работы, в том числе и для Николая Панова. Отряды Армии Крайовой, доблестно сражавшиеся в годы войны с общим врагом – фашизмом, не признали новое польское правительство и продолжали воевать, теперь уже с Советской Армией.

– Войска НКВД прочёсывали леса. В случае обнаружения сопротивления вызывали по радиации наш бронепоезд, указывали нам координаты, командовали – 50 снарядов на каждый ствол. Внутри жарко очень, поэтому скидываешь гимнастёрку и начинаешь тяжеленные снаряды бросать.

Армия надолго стала судьбой Н. М. Панова – солдата, а после окончания военного училища – офицера. Тридцать лет с честью носил погоны Николай Матвеевич, ещё и сейчас бросается в глаза его строевая выправка. Добрым словом вспоминают его многие люди, отдавая должное умному и предприимчивому командиру. Именно благодаря Панову строились многие объекты в гарнизоне Мансийский, дорога, связывающая его с Комсомольским, проводился газ, выращивались овощи к солдатскому столу. Сегодня ветеран, Почётный гражданин г. Югорска Н. М. Панов не лежит на диване, а ведёт активную общественную работу.

ПАРХОМЕНКО ИВАН КИРИЛЛОВИЧ

Как разительно отличаются суровые воспоминания участников Великой Отечественной от душещипательных романов и ухоженных фильмов о войне, призванных воспитывать патриотизм у народа. Ветерану не нужно ничего придумывать или утаивать – жёсткая немногословная правда об огненных годах куда эффектнее всех "творческих подходов"...

Иван Кириллович Пархоменко на фронт ушёл добровольцем в 1943 году. Тогда ему только исполнилось семнадцать... На вопрос, почему он так поступил, ветеран неохотно отвечает: "Пошёл, потому что так было надо". Может быть, хотел равняться на своего отца, призванного в Красную Армию в первые дни войны? Из села Новомихайловка, что находится в Алтайском крае, их "ушло много". Живыми вернулась едва ли половина.

Воевал И. К. Пархоменко в составе Второго Белорусского фронта, в пехоте – "царице полей". Сколько раз семнадцатилетний паренёк вставал в атаку навстречу летящей смерти, сколько раз тем самым совершив ежедневный и обыденный подвиг? Пулям не кланялся – об этом говорят два тяжёлых ранения. Старый солдат не хочет говорить об этом, долго молчит, услышав вопрос «За что вы получили медаль "За отвагу"?» – "За то, что сделал своё дело...". Многие ли из нас могут так же честно ответить, не кривя душой и не бравидуя мнимыми заслугами?

Победу Пархоменко встретил в Кенигсберге, на госпитальной койке, куда попал после ранения в живот. Но не закончились в мае 45-го сражения солдата. Однажды в госпиталь пришёл весёлый майор, спросил – кто хочет ко мне пойти? Служба, мол, не пыльная, почти как у пожарных... Но бойцам войск НКГБ, переименованного в 1946 году в МГБ, сутками спать не приходилось. Скорее уж наоборот. Сначала Иван Кириллович состоял в охране военнопленных, которых в Кенигсберге насчитывалось более 40 тысяч, затем выкуривал из потаённых "схронов" завоевавшихся "лесных братьев".

– Обстреляли, например, где-то милиционеров или военных, сразу в тот район отправляется пара машин с солдатами. Оцепляем лес, "катюша" даст залп – и из чащи уже ракету бросают – сдаёмся, мол.

Долгих три года воевал ещё Пархоменко, а затем вернулся в родные края. Но не удержался он на одном месте, беспокойное сердце заставило помотаться по свету. Работал на Челябинском тракторном заводе, шофёром-«дальнобойщиком» исколесил всю Сибирь. Восемь лет трудился в Якутии, на алмазных приисках.

– Вozил на фабрику руду. Тяжело ли было? Нормально. Зимой, правда, не сладко – там морозы до минус 55 доходят...

А в 1964 году Иван Кириллович услышал о созданном где-то в зауральской тайге посёлке Комсомольском и приехал сюда. Работал в химподсочке водителем, инженером-механиком, старшим механиком в леспромхозе, затем в КСМНУ, был награждён медалью «За трудовую доблесть». В 1980-м ушёл на заслуженный отдых и остался здесь, где живут его два сына, четыре внуки и две правнучки. В небольшой квартирке на почётном месте стоят баян и гармонь – до болезни Пархоменко знатно играл. На родине последний раз был три года назад, от поездки остались у него невесёлые впечатления.

– До войны жили трудно, но весело. По 55 центнеров с гектара получали, а сейчас все поля полностью заросли, хлеб в Америке закупаем. Разве это дело?

...На старой, 1940-го года, фотографии улыбаются три мальчика, Иван Пархоменко держит в руках гармонь. Через три года двое из этих мальчиков уйдут на фронт, вернутся живым лишь один...

ВЫСОТА

Вцепились они в высоту как в своё.
Огонь миномётный, шквальный...
А мы всё лезли толпой на неё,
Как на буфет вокзальный.

И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту –
Семь раз мы её оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля — как горелая каша...
В восьмой раз возьмём мы её насовсем —
Свое возьмём, кровное, наше!

А можно её стороной обойти,—
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно — все судьбы-пути
На этой высоте скрестились.

В. ВЫСОЦКИЙ

ПЕТРОВ АНАТОЛИЙ НЕСТЕРОВИЧ

Когда началась война, А. Н. Петрову было пятнадцать. Жил он в то время неподалеку от знаменитого Михайловского, в деревне Оснице Пушкинского района, попал под оккупацию. Многие деревенских жителей тогда немцы согнали в наспех организованные лагеря, а затем отправили кого на рытье окопов, кого дороги чинить, кого вообще в неизвестном направлении. Попал в их число весной 1944-го и Анатолий. Всю зиму измученных людей перегоняли с места на место, где они ремонтировали дороги, разбирали завалы. И все дальше уходили от родной земли на запад. В шахтовые проходки неподалеку от Данцига фашисты заточили угнанных на принудительные работы, военнопленных, арестованных поляков. Там и встретил Анатолий Нестерович долгожданное освобождение, пришедшее в марте 45-го года с залпами «катюш». Вместе с несколькими сотнями других освобожденных принял присягу и был направлен в 18-ю армию, в 35-й гвардейский полк.

— Наши войска с боями продвигались вперед, — вспоминает он, — Везде окопов понарыто, масса покоруженной техники — танки, пушки. В одном из портовых городов тяжелые бои разгорелись, немец нас там сильно задержал. Стали реку переходить — не удастся, на той стороне фашисты прочно засели и из пулемета поливают... Подтянули мы пушки, начали бить по амбразурам. В моем взводе противотанковых ружей 18 человек было. С ПТРами на чердаках закрепились, начали стрелять. Выбили все же немцев. Они вечерами к морю пробирались, там их баржи, другие плавсредства ждали...

Вместе с однополчанами, преследуя отступающего противника, Анатолий Нестерович продвигался на запад. Темные летние ночи солдат не радовали — нелегко было идти по незнакомой местности, рискуя в любой момент нарваться на засаду. Фашисты перешли к партизанским методам борьбы, и в самых неожиданных местах наших бойцов порой встречал пулеметный огонь. Так, без отдыха, с боями и перестрелками, дошли до Западной Померании. После Победы полк повернули назад и отправили на Кавказ. А. Н. Петров служил в батальоне охраны, охранял пленных немцев, японцев, работающих на строительстве города, на границе в Армении и Грузии, в Грозном. Демобилизовался он осенью 1950-го года. В 64-м переехал в здешние края, сначала — на участок неподалеку от Игрима, после Игрима был Хупимсунт, затем — Комсомольский. Много лет трудился плотником в НГЧ — ремонтировал жилье по всей железнодорожной ветке от Серова до Оби. А в 86-м Анатолий Нестерович вышел на пенсию.

ПИСАРЕНКО ГРИГОРИЙ ПАВЛОВИЧ

Год рождения – 1924... Как мало осталось после войны людей, появившихся на свет в том году! Эта цифра в большинстве своём оказалась выбитой на десятках тысяч могильных памятников, усеявших просторы Европы. В годы Великой Отечественной именно они, тогда ещё безусые пацаны, надевали серые шинели и уходили из отчего дома. Большинство – навечно, лишь некоторым довелось вернуться, чтобы рассказать внукам и правнукам правду о страшной войне...

К лету 1942 года, когда восемнадцатилетнему пареньку Григорию Писаренко пришла повестка, он закончил ФЗО и даже успел поработать на станкостроительном заводе. Затем была изнурительная десятимесячная учёба в Уфимском пехотном училище – на передовой катастрофически не хватало младших командиров. 3 апреля 1943 года ребята получили новенькие погоны с одиночными звёздочками, и вот уже эшелон увозит новоиспечённых офицеров на фронт. Как оказалось – на Юго-Западный. Сорок младших лейтенантов распределили в 56 мотострелковую бригаду 23 танкового корпуса.

В часть они приехали перед самым наступлением, практически сразу оказавшись в гуще сражений. После месяца непрерывных боёв наши войска освободили Тирасполь. Именно в этом молдавском городе Писаренко был ранен выстрелом с крыши одного из зданий. Разрывная пуля оставила на руке рану 15 на 19 сантиметров... Целый месяц пришлось провести в Днепродзержинском госпитале. После излечения офицер получил направление в запасной полк, но сам пришёл к командиру – возьмите обратно в часть. Такие просьбы на фронте всегда старались выполнять.

Но здесь, на передовой, Григория Павловича ранило не только пулей. В самое сердце и с первого взгляда оказался поражён brave лейтенант глазами санинструктора Серафимы... Бригада стояла в Будапеште, когда Писаренко подал рапорт комбригу: так, мол, и так, прошу разрешения жениться. Тот, разумеется, ни в какую – война ведь, какие могут быть Купидоны с Амурами! Но свадьбу молодые всё же сыграли, пригласив вечером друзей-однополчан да комбата. Говорят,

что скоротечны фронтовые романы, а семья Писаренко пятьдесят лет кряду опровергала это утверждение!

Во время одного из боев был ранен командир роты, и командование над ней принял Григорий Павлович. Вы только вдумайтесь – девятнадцатилетний паренёк отвечал за жизнь и смерть многих десятков солдат, большин-

ство из которых были намного старше его. "На войне, — говорит Григорий Павлович, — не до страха было. Я всегда внутренне готовился к худшему. Например, сидим в окопе, вдруг видим ракету — сигнал к атаке. Я встаю, команду — рота, за мной! Мне ребята говорили, зачем вперёд лезешь, ведь ракету и так все видели. А я так думаю: кто-то должен первый встать, пример остальным показать?"

Наши войска гнали захватчиков уже без остановок, очищали Молдавию, Польшу, Венгрию, Австрию. Под Веной Писаренко опять ранило, на этот раз пуля вошла в правую ногу. В госпитале его предупредили, что операция будет сложной, придётся резать дважды, искать пулю. Но офицер отказался — не мешает, мол, а через неделю уехал в часть. Несколько месяцев пуля давала о себе знать, нога побаливала. А потом ничего, металл и живая плоть притерпелись друг к другу...

День Победы оказался одновременно настолько долгожданным и неожиданным для Григория Павловича, что попросту не отложился в памяти. Тем более что служба его продолжилась и после разгрома Германии. В Праге прошёл переподготовку, получил третью звёздочку на погоны. Затем бригаду перебросили на Западную Украину, в Волынскую область, где в течение двух месяцев пришлось ловить по лесам бандеровцев и прочую недобитую нечисть. После долгожданной демобилизации Писаренко уехали на родину Григория Павловича, в Башкирию. 37 лет работал в совхозе, затем переехал в Комсомольский, нынешний Югорск, трудился в "Сибгазавтоматике" и военизированной охране. Все эти годы жили с супругой душа в душу,

шестерых детей воспитали. Только вот несколько лет назад ушла из жизни Серафима Петровна...

Уже заканчивая разговор, заинтересовался – есть ли у Григория Павловича награды? Простое перечисление ветераном только своих орденов повергало в шок: орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, орден Знак Почёта, орден Красного Знамени, который вручил ему "сам Малиновский"! И ведь ни разу за всё время разговора не похвастался заслугами старый солдат, не выпячивал вперёд своё героическое прошлое, лишь скупой и коротко называл факты, даты, названия населённых пунктов... Удивительна биография ветерана Великой Отечественной – для нашего восприятия. Ещё бы: бои, два ранения, четыре боевых ордена, фронтовая свадьба, жизнь и смерть бок о бок. А для самого Г. П. Писаренко это обычная судьба простого труженика войны, всегда честно делавшего своё дело.

ПОПОВА ГЛАФИРА НИКИТЬЕВНА

Передо мной два исписанных убористым почерком листка из городского архива – автобиография. За ними – целая жизнь, долгая и нелегкая.

Глафира Никитьевна Попова родилась в большой семье, в которой кроме нее, единственной дочери, было четверо сыновей. В 32-м, как и многих других крепко стоящих на ногах крестьян, Поповых раскулачили. "Вынуждены были переехать на Урал, в Свердловскую область, город Серов, на Надеждинский завод", – пишет Глафира Никитьевна. Чуть только подросла, стала работать. Трудилась приемщицей леса, позже – секретарем-машинисткой.

"В 1941 году началась Великая Отечественная война. Старших братьев Ивана и Александра призвали на фронт. В 1943 году в марте подала заявление в Серовский райком комсомола, просилась добровольцем на фронт. Серовским райвоенкоматом призвали в армию.

40 девушек с Урала и Сибири отправили эшелонам на Волховский фронт. Прибыли на станцию Бугодощь, территория которой уже обстреливалась. Поселились в землянках. После принятия воинской присяги нас переводили в военную форму, распределили по частям. Местом моей службы стал 1467-й зенитный артиллерийский полк. Обеспечивали артснабжение, отправку снарядов на передовую." Глафира Никитьевна вспоминает, что немало ее подруг, девушек-зенитчиц, погибло на боевом посту, защищая нашу армию от налета фашистской авиации. В 1944 году, находясь уже на Прибалтийском фронте, получила ранение.

"В этом же году в возрасте 17 лет младший брат Мороков Архип Никитевич после окончания ФЗО добровольцем ушел на фронт. Прошел авиационную техническую школу, стал радистом-стрелком штурмовой авиации на ИЛ-2. Узнала, что он воюет рядом со мной, в одной 54-й армии. После выздоровления решила попасть из госпиталя в его воинскую часть, так как от своей части отстала. Получила назначение в 229-й авиаполк связи, в штаб. Произошла встреча с однополчанами брата: подошли два летчика-офицера, сказали, что я похожа на Архипа. Сообщили, что он тяжело ранен и находится в госпитале..." Так переплелись фронтовые пути брата и сестры.

В мае пришла долгожданная победа, а с ней и демобилизация: "В июле 1945 года демобилизовалась, согласно Указу Верховного Совета СССР".

В 1948 году Глафира Никитьевна вышла замуж за участника Великой Отечественной войны А. Д. Попова. Однако вскоре в результате несчастного случая муж погиб, оставив ее с двумя детьми. Фронт-овая закалка и здесь помогла выстоять. А с 1962 года жизнь Глафиры Никитьевны связана с поселком Комсомольский.

"55 лет прошло с того радостного Дня Победы над гитлеровской Германией. Пусть же матери новых поколений не испытают той горькой судьбы, которая выпала на долю женщины в годы войны", — пишет участница Великой Отечественной войны, инвалид II группы, пенсионерка Глафира Никитьевна Попова.

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, недолгожив,
От наших жен, от наших нив,
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

А. ФАТЬЯНОВ

РОССОШАНСКИЙ ИВАН ФЕДОРОВИЧ

Родился 3 июня 1926 года. Место рождения – село Кумашкино Курчумского района, Восточно-казахстанской области. Образование – 6 классов. До начала Великой Отечественной войны работал токарем на МТС. 8 октября 1941 года был призван в Красную Армию Курчумским райвоенкоматом Восточно-Казахстанской области. Воинское звание – сержант, помощник командира взвода связи батальона. Род войск – парашютно-десантные войска, пехота. С 15 июля 1942 года по 17 апреля 1945 года воевал под Моздоком, в районе Туапсе, в Латвии задерживали продвижение немцев.

Имеет награды: медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги», медаль «За Победу», Орден юбилейный Отечественной войны I степени, орден «Знак Почета», медаль «100-летие В. И. Ленина», медаль «Ветеран труда» и значок «Победитель соцсоревнований».

Имеет ранение осколочное в бедро левой ноги.

Дата демобилизации – декабрь 1946 года.

После демобилизации работал на руднике Чердолак завхозом-кладовщиком, в г. Зыряновск токарем на автотранспортном предприятии.

Пенсионером приехал в г. Югорск. С супругой уже отпраздновали золотую свадьбу.

Я был пехотой в поле чистом,
В грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
В последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
Пускай меня пошлют опять
В стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
Хотя бы треть пути,
Потом могу я с тех вершин
К позиции сойти.

С. ГУДЗЕНКО

РЯСИН ИВАН ЕГОРОВИЧ

На долю людей, родившихся до войны, выпало немало испытаний. Жизнь проверяла их на прочность, не жалея. Неурожай, а вслед за ним и страшный голод, разразившийся в деревнях в тридцатые годы, выкосили тысячи крестьянских семей. В селе Позовое Воронежской области практически от каждого двора была протоптана скорбная дорожка на кладбище. На глазах пятилетнего Вани Рясина прямо на улице от голода умер его друг и ровесник, лег на траву отдохнуть и больше уже не проснулся. Как выжила огромная семья

Рясиных (в 1939 году в ней было девять детей), одному Богу известно. Только до сих пор помнит Иван Егорович вкус «котлет» из крапивы. Помнит о том, как чужих гусей пас и нянькой работал за кусок хлеба...

В большом селе старший сын Рясиных в свои семь лет был самым грамотным человеком. Здесь не было ни электричества, ни радио, и когда попадала в руки сельчан газета, старики просили Ивана: «Почитай-ка, милоч, чего там творится в Абиссинии». О войне в собственной стране никто из деревенских не думал, еще не так далеко в прошлом были первая мировая и гражданская, и воевавшие в то время мужики ходили в героях. Кинофильм «Если завтра война» и взрослые, и дети смотрели не по одному разу, все знали, что и как будет с тем, кто посягнет на их землю.

О том, что гитлеровские войска перешли границу, в селе узнали только через несколько часов — до ближайшего репродуктора было 6 километров. Молодых мужчин тут же собрали у сельсовета, и начались тяжелые проводы на фронт. Когда в 1942 году немцы пошли на Сталинград и село Позовое оказалось в прифронтовой зоне, «под ружье» поставили всех, кто мог это ружье держать. Так 15-летний Иван Рясин вместе со своими сверстниками попал в ополчение. Потом мальчишек научили стрелять и метать гранаты, собирать разведданные, а осенью сформировали из них истребительный батальон. Неоднажды был паренек на волосок от смерти: едва выздоровел после тяжелой простуды, две недели метался в тифозном бреду. Его, истощенного — с весом в 46 килограммов — и едва живого, комиссовали на полгода, дали подняться на ноги и снова определили в истребительный батальон, который вел борьбу со скрывающимися в лесах немецкими солдатами. В начале 44-го 17-летний боец И. Рясин был направлен в Приморский край, в школу десантников, где готовили автоматчиков со знанием радиодела.

— На границе с Маньчжурией было тяжело служить, кормили нас очень плохо, о нормальном отдыхе и речи не было. Мне казалось, что на фронте будет гораздо легче, поэтому и писал рапорты с просьбой отправить меня туда. Так делали многие. Известие о победе нам принес старшина, когда мы находились на стрельбах. К тому времени я уже очень устал от

войны и думал: все, закончилась моя служба. Но в августе 1945-го началась война с Японией, и наша рота была отправлена в Манчжурию. Я видел многих солдат неприятеля – финнов, немцев, румынов, итальянцев. Но японцы – вот солдаты от Бога. Великолепно подготовленная, с жесточайшей дисциплиной армия! Для японского солдата нет большего позора, чем быть убитому в спину. Они фанатично верили в то, что только приняв смерть в лицо, попадут в рай. С тем и воевали, никогда не сдаваясь в плен. А если не могли этого избежать, то совершали обряд самоубийства. Очень ожесточенно сопротивлялись смертники, я сам видел японских солдат, прикованных пятиметровой цепью к станине пулемета.

Тяжелые бои продолжались и после официального сообщения об окончании войны с Японией. Ивану Егоровичу довелось участвовать в ликвидации части штаба Квантунской армии, оставшихся бандитских формирований, проводить, говоря нынешним языком, «зачистку» территорий. Рота, в которой он служил, почти вся погибла, из сотни осталось в живых лишь 27 человек. Тяжелейшую контузию получил и Иван Егоров – отброшенный взрывной волной, он серьезно повредил позвоночник. Это травма впоследствии приведет к инвалидности. В начале 1946 года подразделение, в котором служил старший сержант Иван Рясин, было возвращено на территорию родной страны, и тем не менее демобилизации он ждал еще четыре года.

На «гражданке» радист первого класса И. Е. Рясин устроился по профессии в геологоразведочную партию, женился, стал отцом. Было это уже в Средней Азии, в Самарканде, потом вместе с семьей переехал в Ленинград и на долгие десять лет связал свою судьбу с «Лентрансгазом». В 1984 году жена Ивана Егоровича получила приглашение на работу в п. Комсомольский Тюменской области, на предприятие «Тюментрансгаз», 10 лет вместе с женой трудился в «ТТГ» и Иван Егорович, так же вместе ушли супруги Рясины на заслуженный отдых. В общей сложности в системе «Газпрома» ветеран войны и труда проработал 40 лет. А его общественная работа в нашем городе началась в 1988 году, когда был избран Иван Егорович председателем совета ветеранов «Тюментрансгаза», через два года стал заместителем председателя совета ветеранов войны и труда п. Комсомольского. А когда в 1992 году ушел из жизни председатель поселкового совета ветеранов Б. П. Швалев, его сменил И. Е. Рясин, на этом посту Иван Егорович и сегодня.

И когда Иван Егорович рассказывал о своих фронтовых дорогах внуку, конечно же, не думал, что и на долю мальчика выпадут тяжелые испытания и тоже – война. Внуку Рясиных довелось воевать на Северном Кавказе, в Первую Чеченскую. «Ничего страшнее войны нет», – говорит старый солдат Великой Отечественной, награжденный медальями «За Отвагу», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и многими другими наградами, принесший на алтарь долгой и кровопролитной войны свою юность и желающий сегодня всем нам мира и счастья.

СЛИНКИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

В Красную Армию Андрей Иванович Слинкин ушел в августе 1942 года. В том же году из его родной деревни Слинкино всех, кто мог держать в руках оружие, забрали на войну. Скудное сельское хозяйство остались поддерживать одни женщины да дети. Но их терпение и труд были вознаграждены – спустя несколько лет в деревню вернулись все, кто воевал.

Взрослым Андрей стал рано. Семье, в которой воспитывается 11 детей, и сегодня было бы нелегко, а в те годы и подавно. Но если братья и сестры между собой дружны, то и забот меньше. Слинкины же росли очень дружной ребятней, – младшие слушали старших, а те не давали их в обиду. Ссоры не случались благодаря соблюдению неписанных правил – все делить пополам и не забывать выполнять по хозяйству свои обязанности.

С 13 лет, помогая родителям, он уже всю работу в колхозе – возил на лошадах сено. Но и про учебу старался не забывать – закончил 6 классов средней школы. И неизвестно, как бы жизнь повернулась дальше, если бы не пришло в деревню известие о войне.

Пришедшая 15 августа 1942 года повестка 18-летнего Андрея несколько не удивила – давно ждал... Но прежде чем отправиться на фронт, пришлось пройти, как и всем другим призывникам, обязательную 110-часовую программу подготовки – изучить устройство оружия, освоить строевую и боевую подготовку. Все упражнения новобранцев выполнялись под внимательным руководством инструкторов Уватского райвоенкомата.

Воевать довелось Андрею в воздушно-десантном полку. А этими войсками Россия всегда могла гордиться. Сегодня Андрею Ивановичу тоже не стыдно вспоминать свою нелегкую службу. Их полк готовили как диверсантов в тылу врага. Спецподготовка требовала от солдат много сил, выдержки и способности преодолевать страх, а когда потребуется, рисковать собственной жизнью.

Вместе с однополчанами пришлось пережить все невзгоды и радости, побывать не в одной переделке, чтобы еще раз для себя убедиться – да, эти ребята не подведут никогда! Бывало, когда совсем нечего было есть, делились одним сухарем на десятерых солдат. Но голодных дней было, слава Богу, не так много. Полк старались своевременно обеспечивать всем необходимым – едой, снаряжением, чистой формой.

К боевым заслугам Андрея Ивановича можно отнести каждое сражение, в котором он принимал участие. Но среди их бесчисленного количества он до сих пор помнит, как их полк громил танковые группы немцев чуть юго-западнее Будапешта, как вместе с ребятами сообща брали города Зирез, Эньинг, Мор и еще более 300 других населенных пунктов. В одном из таких боев Андрея Ивановича ранило в левую ногу осколком разорвавшегося рядом снаряда. Не успели его унести с передовой, как откуда ни возьмись мина – взрыв был настолько сильный и раздался так близко, что получил Андрей Иванович вдобавок к ранению еще и контузию. Подобрали бойца санитары, перевязали и отвезли в госпиталь. Поправился А. И. Слинкин быстро и тут же вернулся в свой полк, который отправили в 1945 году, после Победы, в Белоруссию. Именно оттуда начался марш советских войск через Польшу, Румынию, Чехословакию, Австрию, а в Венгрии пришлось даже стоять, ожидая приказа о переброске в Японию, но обошлось – война там кончилась.

В апреле 1947-го года Андрея Ивановича демобилизовали, а 3 мая он был дома. Увиденная им картина была совсем не радостной. Хлебнувшую немало горя деревню надо было восстанавливать, поднимать разрушенное за годы войны хозяйство. А время было голодное – тяжело, но руки все равно требовали работы. В 47-м Андрей Иванович работал на строительстве сельской школы. После ее сдачи, ушел работать в леспромхоз. Дальше судьба занесла в Сургутский район, где А. И. Слинкин проработал водителем на юганском лесозаготовительном участке до 1979 года – до ухода на пенсию.

В Югорск Андрей Иванович приехал в 80-х годах. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г.», юбилейные медали, за что ветеран А. И. Слинкин вызывает уважение и бесконечную благодарность за то, что он когда-то не струсил, не отступил, не предал, за то, что он верил, защищал и отстоял.

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

А. СУРКОВ

ТИТОВА АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВНА

О войне рассказывать всегда трудно, и не только потому, что сам не пережил ее, не видел ее страшного лица, но еще и потому, что каждый раз, разговаривая с ветеранами Великой Отечественной, невольно возвращаешь человека к былым временам, вызываешь к памяти, касаешься самого больного. А они, ветераны, никак не могут освободиться от груза прошлого, опаленного

войной. Вот и бредят воспоминания, и душат их слезы горечи, и стонут среди ночи их истерзанные души – не вычеркнуть из памяти войну, не забыть до конца дней своих.

В городок Новомосковск, теперь это Тульская область, война вплотную подошла осенью 1941 года. Два месяца длилась оккупация, и, как только выгнали немцев, возобновились занятия на краткосрочных шестимесечных курсах медсестер. Шурочке не было еще и семнадцати, и ее заявление с просьбой отправить на фронт военком постоянно откладывал в сторону: по возрасту не подходила, образования никакого. То ли упорство девушки, то ли нужда прижала, но, когда перебрали весь курс медсестер, всех тридцать человек, дошла очередь и до нее.

Военно-санитарный поезд стал для Александры Климовой домом на колесах. Колесил поезд по всем фронтам. Работали медики от зари до зари. В перерывах учились мастерству. Поезд состоял из десятка санитарных вагонов – “пульманов”, два-три из которых – “хригерсы” – немецкие вагоны, предназначенные для тяжелораненых. В каждом вагоне – по три ряда носилок. Если раненых было больше, а такое случалось часто, то носилки ставили прямо на пол. 30–40 раненых в вагоне: теснота, духота, вонь. Привыкнуть к чужому горю невозможно. Втайне от всех рыдала Шурочка: столько горя на нее обрушилось, столько крови увидела, столько нестерпимой человеческой боли познала – на сотни жизней хватит.

В задачу санитарного поезда входило любой ценой довести раненых до госпиталей. Оказывали помощь и оперировали на ходу. Случалось, не довозили, и хоронить приходилось. Много писем написала Шура Климова родственникам умерших, и ни разу не получила ответ.

— Однажды, — вспоминает Александра Григорьевна, — открылось у тяжелораненого артериальное кровотечение. Я в вагоне

одна была. Испугалась! Орала что есть силы. Что делать? Солдатик хрипит, мечется, кровью захлебывается. Надавила рукой на артерию, зажала и держу, а сама ору благим матом, зову на помощь. Спасли тогда раненого. Начальник поезда майор Столяров, помнится, сказал мне: "Спасибо, дочка, ты не только ему жизнь спасла, но и мне, и всей моей семье". У него четверо детей было. Стою – вся в крови с головы до пят, не знаю, что и сказать. Порядки тогда строгие были – не довезешь раненого до госпиталя, можно и под трибунал загребеть запросто. За каждую жизнь мы боролись как за свою. Тяжелораненные, как правило, оказывались либо летчики, либо танкисты. Много я повидала: мертвые тела – кучами, случалось, угодит бомба в вагон с ранеными – зрелище жуткое, с ума сойти можно. Немцы делали налеты изподтишка. Появлялись всегда неожиданно. Сбрасывали бомбы, расстреливали в упор.

Четыре долгих военных года колесила Александра Григорьевна со своим санитарным поездом по фронтовым дорогам. Под Москвой, под Ленинградом, в Белоруссии, Польше и Восточной Пруссии пролегли пути-дорожки сестры милосердия. Дважды горел их эшелон, и дважды вытаскивала она раненых из огня вместе со своими боевыми подругами. Особенно тяжело приходилось летом. У раненых из-под гипса лезут белые черви. На передовой хорошую перевязку сделать некогда, а бывает и нечем.

– Я, когда впервые увидела это, чуть сознание не потеряла. А начмед сказал: "Ничего, это даже хорошо. Медицина утверждает, что черви поедают гной, чистят раны".

Летом 1943 года Александру Григорьевну подстерегла беда. Случилось это под городом Рославлем в Смоленской области.

– После обеда, – вспоминает Александра Григорьевна, – были у нас занятия. Начмед поймал лягушку и на ней обучал нас, молодых, азам анатомии. Потом я села писать письмо домой, а подружка моя уснула рядом. Немецкие бомбардировщики появились совсем неожиданно. Сбросили бомбы и пошли на второй заход. Мы с подружкой выскочили из вагона. Эшелон стоял в чистом поле. Укрыться негде. Смотрю, подруга моя захромала, бежать не может. Снянула я с нее сапоги, а они полны битого стекла. Спрятались за небольшой бугорок. Лежим. Подняла я голову, смотрю, прямо на меня самолет летит. Летит и к земле прижимается – ниже, ниже...

Показалось, что с летчиком взглядами встретились – глаза в глаза. Взрыв! Меня засыпало землей. Трое суток, потом рассказали, не приходи-

ла в себя. Голова раскалывалась, ноги болят – камнями отбило. Тяжелейшая контузия. Не списали меня и в госпиталь не отправили. Лечили свои врачи в поезде. После той контузии дали вторую группу инвалидности, на которой я до сих пор.

Война для Александры Григорьевны Титовой закончилась 3 сентября 1945 года в городке Дойче-Лау, что в 102-х километрах от Берлина.

35 лет живет Александра Григорьевна Титова в нашем городе. Выростила шестерых детей. Сейчас гордость и забота бабушки – шестеро внуков, которые хоть и живут далеко, но навещают. Работала начальником ОРСа Комсомольского леспромхоза, потом старшим бухгалтером профсоюзного комитета объединения «Тюментрансгаз».

Награды: Орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», и еще – медали, медали... – награды скромной труженицы фронта, спасшей не одну жизнь, внесшей свой ощутимый вклад в нашу Великую Победу над коричневой чумой.

ФИЛАТОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Учебники по истории, старые военные фотографии, потерянные письма, документальная кинохроника – как много они могут рассказать о событиях Великой Отечественной. Благодаря им каждый знает, сколько горя, страданий и разрушений принесла война нашему народу.

Люди, пережившие эту войну, до сих пор хранят воспоминания о том, как впервые услышали слово «война», как в первый раз взяли в руки оружие и пошли защищать Родину, как в своем первом бою потеряли товарищей и как однажды впервые смирились со смертью...

Многие ветераны охотно рассказывают истории о том, какой была война на самом деле. Но есть и немногословные – они особо не вдаются в подробности, на все назойливые вопросы отвечая, что «на войне как на войне».

Филатов Борис Николаевич относится к числу тех, кто мужественно прошел войну от начала до конца. Но говорить о ней не любит, все больше вспоминает довоенные годы:

– Родился я в октябре 1918 года в селе Копотиха Горьковской области. Поры беззаботного детства почти и не было. В то время дети выросли рано и вместо того, чтобы гонять во дворе мяч, шли работать, помогая своим родителям зарабатывать на кусок хлеба. Закончив четыре класса начальной школы, мне пришлось пойти работать на завод. Через некоторое время судьба занесла в Горький, где на автозаводе я проработал до получения призванной повестки. Долго раздумывать по поводу «идти служить или не служить» не пришлось – началась Вторая мировая война.

Так 13 сентября 1939 года стало для Бориса Николаевича днем начала воинской службы на Дальнем Востоке в Приморском крае:

– Армия тогда была намного дисциплинированной, чем сегодня. Всех призывников хорошо готовили, молодыми необученными пареньками старались не рисковать.

Всю Великую Отечественную прошел в артиллерийско-пулеметных войсках, в г. Гродеково, что в 3 км от границы с Маньчжурией.

Наступил 1945-й год, который для большинства соотечественников стал триумфальным – Россия одержала победу над фашизмом. А для

Бориса Николаевича главные бои еще были впереди. Именно в августе 45-го американские ВВС сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, а СССР вступил в войну с Японией:

– Помню, как мы брали осажденные японцами тоннели и города. Я был командиром взвода. Разведки, бои, взятие осады, снова бои, прорыв дальше и дальше... Так мы и прошли город за городом всю Маньчжурию, до самого Харбина. Но больше всего эта страна поразила нас, русских солдат, не выдавших ничего, кроме дорожной пыли и грязи, красотой витрин магазинов и обилием в них товаров. В той войне мы потеряли 42 тысячи наших... Чувства потери и вины сохранились до сих пор – они вне времени, и с этим ты ничего не поделаешь.

На все остальные расспросы Борис Николаевич отвечал нехотя, повторяя, что война есть война, и больше ничего о ней не скажешь.

Домой Б. Н. Филатов вернулся в 46-м, но не в своё село – там не осталось ни родных, ни знакомых. Война сделала свое незавидное дело – кого-то забрала навсегда, а кого-то разбросала по белому свету. Уехав в поселок Сява Горьковской области, Борис Николаевич устроился на работу в леспромхоз, где проработал до 1972 года. Затем переводом попал в п. Комсомольский, где окончательно посвятил себя лесной отрасли. В 1978-м году вышел на пенсию.

Награды: две медали за победу над Японией и Германией, юбилейные медали и орден Красной звезды. Перебирая их, Борис Николаевич невольно вспоминает своих фронтовых товарищей, с которыми поддерживает связь и по сей день. По его словам, война очень сильно сближает людей. И эту связь не в силах разорвать ни время, ни расстояния.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают, –
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне – видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов –
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

В. ВЫСОЦКИЙ

ХЛЕБУТИНА МАРИЯ ГЕРАСИМОВНА

Работать Маша Мезенцева начала рано, в 16 лет. В 43-м, когда ей исполнилось 19, получила повестку из военкомата. Как и десятки других девочек из Нижнего Тагила и близлежащих районов, стала обучаться на связистку – уже тогда было ясно, что война быстро не закончится.

– После учебы нас направили в Свердловск, – рассказывает Мария Герасимовна. – Там представитель из действующей армии отобрал группу девушек из Нижнего Тагила, 20 человек. Погрузились мы в эшелон. Куда везут, не знали. Позже сказали, что направляемся на фронт. Попали в 957-й запасной полк, 202-й батальон связи...

В Ярцево, уже освобожденном от фашистов, девушки продолжали учиться на радиотелеграфисток. Затем – передовая.

– Наша работа заключалась в том, чтобы принимать и передавать сообщения, обеспечивать армию бесперебойной связью. Конечно, и на посту стоять приходилось, и под бомбежку не раз попадали. Все бывало, – вспоминает фронтовичка. – А все же и на войне не забывали о том, что мы женщины. При первой возможности старались вещички свои постирать, хотелось аккуратно выглядеть...

Вместе с действующей армией шаг за шагом продвигались на запад, освобождая родную землю. Видела Мария Герасимовна страшное лицо войны, не одну подружку похоронила.

В Кенигсберге 5-я армия, в составе которой она воевала, закончила боевые действия. С танками, пушками погрузились в эшелоны, и – на Дальний Восток. День Победы встретили в пути.

В Маньчжурии девушка тоже служила связисткой. К счастью, война с Японией закончилась быстро. Наши войска, имевшие богатый опыт боевых действий, стремительно наступали, и противник вынужден был капитулировать.

В ноябре 1945 года девушка демобилизовалась и вернулась в родную деревню Щигры, что в Курганской области. А вскоре вышла за-

муж за своего односельчанина Василия Хлебутина. В мире и согласии супруги прожили 53 года!

Добрый десяток лет проработали они в Заводоуковском леспромпхозе, а когда производство там стали свертывать, приехали в строящийся Комсомольский. Было это в 1962-м году. Вместе с другими первопроходцами преодолевали трудности и строили город, ставший им по-настоящему родным.

Девятнадцать лет трудилась Мария Герасимовна в больнице дезинфектором, затем вплоть до выхода на пенсию работала в бассейне. На заслуженном отдыхе всего три года.

— Была б моя воля, и дальше бы работала, — говорит Мария Герасимовна.

Без дела сидеть она не умеет — прядет, вяжет, работает на огороде. Летом и осенью ездит в лес по грибы-ягоды.

О годах войны напоминают боевые награды — медали "За взятие Кенигсберга", "За боевые заслуги", "За победу над Германией", "За победу над Японией", орден Отечественной войны. С единственного пожелтевшего от времени снимка тех лет смотрит на нас молодая девушка, сменившая перед демобилизацией надоевшую военную форму на штатскую одежду, что очень символично: война и горе остались позади, впереди — долгая и счастливая жизнь...

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За, в бога не верящих, внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил...

К. СИМОНОВ

ЦЕЛОУСОВА ИРАИДА АЛЕКСАНДРОВНА

Целоусова Ираида Александровна родилась 11 февраля 1928 года в г. Свердловске. Образование имеет 7 классов вечерней школы, которую она закончила в 1946 году.

В Красную Армию была призвана в эвакуационный госпиталь № 1716 в часть № 65476. Всю войну проработала санитаркой в полевом госпитале. С 26 июня 1944 года по 20 августа 1945 помогала солдатам воинской части 65476А во время боевых действий.

Награды: Орден Отечественной войны II степени, юбилейные медали 20, 30, 40 лет Победы в Великой Отечественной войне, юбилейные медали 70, 60 лет Вооруженных сил СССР, медаль Жукова.

20 августа 1945 года Ираида Александровна была демобилизована. После окончания войны она вернулась в родной Свердловск, где устроилась на работу в артель «Темп» мастером дамского платья и закройщицей. Позже перешла на работу на Каменск-Уральский машиностроительный завод по специальности машиниста насосной.

Сегодня Ираида Александровна живет в г. Югорске. Всему будущему поколению этого города она желает здоровья и получения достойного образования.

В ГОСПИТАЛЕ

Солдат метался: бред его терзал.
Горела грудь. До самого рассвета
он к женщинам семьи своей зывал,
он звал, тоскуя: — Мама, где ты, где ты? —
Искал её, обшаривая тьму...
И юная дружинница склонилась
и крикнула — сквозь бред и смерть — ему:
— Я здесь, сынок! Я здесь, я рядом, милый!
И он в склоненной мать свою узнал.

Он зашептал, одолевая муку:
— Ты здесь? Я рад. А где ж моя жена?
Пускай придет, на грудь положит руку.—
И снова наклоняется она,
исполненная правдой и любовью.
— Я здесь, — кричит, — я здесь, твоя жена,
у твоего родного изголовья.
Я здесь, жена твоя, сестра и мать.
Мы все с тобой, защитники отчизны.

О. БЕРГГОЛЬЦ

ЧИКУРОВ СТЕПАН ИВАНОВИЧ

Родился в деревне Тапьюшка Пермской области в 1925 году. До войны окончил 4 класса начальной школы. После переезда в Новолялинский район Свердловской области устроился на работу: сначала учеником, а затем машинистом парового локомотива. В 43-м Новолялинским райвоенкоматом был призван в ряды РККА. Попал С. И. Чикуров в запасной полк, дислоцировавшийся в г. Чебаркуле Челябинской области, в роту противотанковых ружей. До мая 1945 года проходил службу на Урале, затем полк погрузили в вагоны и отправили на Дальний Восток. Так он оказался в 277-й Краснознаменной Рославльской стрелковой дивизии. В конце мая – начале июня дивизия прибыла к месту назначения.

– Привезли нас на станцию Пограничная, – вспоминает Степан Иванович – Выгрузились, разбили палатки. И началась подготовка к будущим боям.

В задачу 207-й стрелковой дивизии входило прорвать Волянский узел сопротивления Пограничного укрепленного района противника. Части корпуса успешно справились с поставленной задачей.

– Самое страшное было – это огневые укрепленные доты. Чтобы один такой дот взорвать, саперы тратили до 500 кг взрывчатки, – вспоминает ветеран. – Действовали так: бронированная машина-самоходка приближалась к доту вплотную и своим корпусом загорала сектор обстрела. А потом уж в дело вступали саперы... Тылам нашим приходилось туго – японцы по сопкам разбегутся, а потом со спины нападают. Правда, русских автоматов они боялись. К рукопашной японцы здорово подготовлены были. Когда мы их казармы занимали – сопротивлялись отчаянно. В плен не сдавались...

В составе дивизии Степан Иванович дошел до г. Гирин. После окончания войны их часть перебросили в Астрахань, где она вошла в состав 819 артполка. До демобилизации, марта 1948 года, служил во взводе управления.

Вернулся домой, устроился на работу в Лобвинский ЛПХ электриком, позже закончил курсы электромехаников. После выхода на пенсию с супругой переехали в Комсомольский. С. И. Чикуров награжден медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», орденом Отечественной войны II степени.

ЧИРУХИНА ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА

ЧИРУХИНА ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА родилась 26 сентября 1924 года в селе Турдаково Чувашской ССР. Образование – 7 классов. До начала Великой Отечественной войны работала в колхозе, где выполняла самые разные работы. 2 декабря 1942 года была призвана в Красную Армию. Служила в зенитной артиллерии, воинское звание – ефрейтор. Имеет награды: боевые – медаль «За Победу над Германией», медаль «За Победу над Японией»; юбилейные медали.

ДАВНО МЫ ДОМА НЕ БЫЛИ...

Горит свечи огарочек,
Гремит недалёкий бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей, фронтовой!
Не трать время попусту,
По-дружески да попросту
Поговорим с тобой.
Давно мы дома не были...
Шумит над речкой ель,
Как будто в сказке-небыли,
За тридевять земель.
На ней иголки новые,
И шишки все еловые,
Медовые на ней.
Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят.

Без нас девочкам кажется,
Что месяц сажой мажется
И звезды не горят.
Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне,
В Германии, в Германии,
В далекой стороне.
Лети, мечта солдатская,
К дивчине самой ласковой,
Что помнит обо мне.

А. ФАТЬЯНОВ

ШУЛЯК ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ

Войну Федор Дмитриевич Шуляк вспоминает просто как тяжелую, опасную, но необходимую работу: «Что там вспоминать? Прикажут подниматься в атаку – бежим, кричим «ура!» Куда бежим, есть ли там немец, нет, про то командиры знали, а солдаты откуда? Да и молодой я тогда совсем был...».

Родился Федор Дмитриевич в Винницкой области Украины, в селе Гранов Гайсинского района в апреле 1924 года. В голодном 35-м семья Шуляков подалась в поисках лучшей жизни на Кавказ, там и осела.

Окончив четыре класса школы, паренек стал работать в колхозе ездовым. В 42-м пришла повестка из военкомата, но в армию не взяли – слишком уж худой и болезненный был. Но уже через год юноша надел солдатскую шинель. В только что освобожденном от фашистов Моздоке вместе с другими новобранцами два с половиной месяца осваивал военное дело, а в октябре 1943 года в составе 11 отдельного саперного батальона попал на Первый Белорусский фронт. После переформирования в декабре 1943-го продолжал воевать в 23-м штурмовом саперном батальоне на Первом Украинском. Участвовал в боях под Великими Луками, Невелем, в освобождении Белоруссии, Польши, дошел с боями до Берлина. Победу встретил в самом фашистском логове.

– Укреплен Берлин был здорово. И потери с обеих сторон велики были. ... Дали нам приказ штурмовать рейхстаг. Прибыли на место, а там уже другие поработать успели, – вспоминает ветеран. – Своими глазами видел, как флаг на рейхстаг водружали. Не с первой попытки это произошло. Много ребят от пуль снайперов полегло...

Из Берлина их батальон перебросили на Одер для уничтожения крупной 33-тысячной группировки противника. Окруженные немцы и власовцы долго не сопротивлялись – видимо, понимали тщетность таких попыток.

После контузии Федор Дмитриевич около полугода работал в 279-м эвакогоспитале санитаром, после служил на польско-германской границе, в Бреслау. В феврале 47-го, почти через два года после Победы, вернулся домой, к мирному труду, обзавелся семьей. Вся его дальнейшая работа была связана с нефтедобычей, трудился на буровой

рабочим, такелажником, слесарем. До самого выхода на пенсию в 79-м году – в одной «конторе». Вместе с военными наградами – медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны и юбилейными медалями Ф. Д. Шуляк бережно хранит «гражданские», полученные за многолетний добросовестный труд.

– Жили мы неплохо, хозяйство свое держали, – рассказывает супруга ветерана. – Рядом с нами проживали дагестанцы, чеченцы. Мирно жили, дружно...

Но вскоре все перевернулось с ног на голову, Кавказ стал «горячей точкой», где не нашлось места мирным заботам и спокойной жизни. Пришлось пожилым людям срываться с обжитого места, с теплого юга перебираться к детям на Север. За несколько прожитых здесь лет супруги привыкли к городу, получили квартиру, на жизнь не жалуются.

В СЕКРЕТЕ

В романовских дубленых полушубках
Лежат в снегу – не слышны, не видны.
Играют зайцы на лесных порубках
Луна. Мороз... И словно нет войны.

Какая тишь! Уже, наверно, поздно.
Давно, должно быть, спели петухи...
А даль чиста. А небо звездно-звездно.
И вокруг луны – зеленые круги.
В снегу лежат бойцы,
Они еще свое недолюбили.
Но родина, одна она, одна! –
Волнистые поляны и луна,
Леса, седые от морозной пыли,
Где волчий след метелью занесен...

Березки – словно девочки босые –
Стоят в снегу. Как сиротлив их сон!
На сотни верст кругом горит Россия.

П. ШУБИН

ЩЕПИН АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ

В 1942 году шестнадцатилетним пареньком после окончания ФЗО добровольно ушёл на фронт. Воевал в 43 стрелковом полку Первого Белорусского и Первого Прибалтийского фронтов, стрелял по вражеской технике из противотанкового ружья. Дважды ранен, второй раз, в августе 1944 года – тяжело. После комиссования вернулся на родину, в Костромскую область. В п. Комсомольский переехал в 1981 году, где проживают три его дочери.

Награжден орденом Отечественной войны, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги", юбилейными медалями.

ПЕСНЯ О ЗВЁЗДАХ

Мне этот бой не забыть никак —
Смертью пропитан воздух, —
А с небосклона бесшумным дождём
Падали звёзды.

Снова упала — и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глухой звездою.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, —
С неба свалилась шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда
Вам на погоны.

Звёзд этих в небе — как рыбы в прудах, —
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже — Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто — на память...
В небе висит, пропадает звезда —
Некуда падать.

В. ВЫСОЦКИЙ

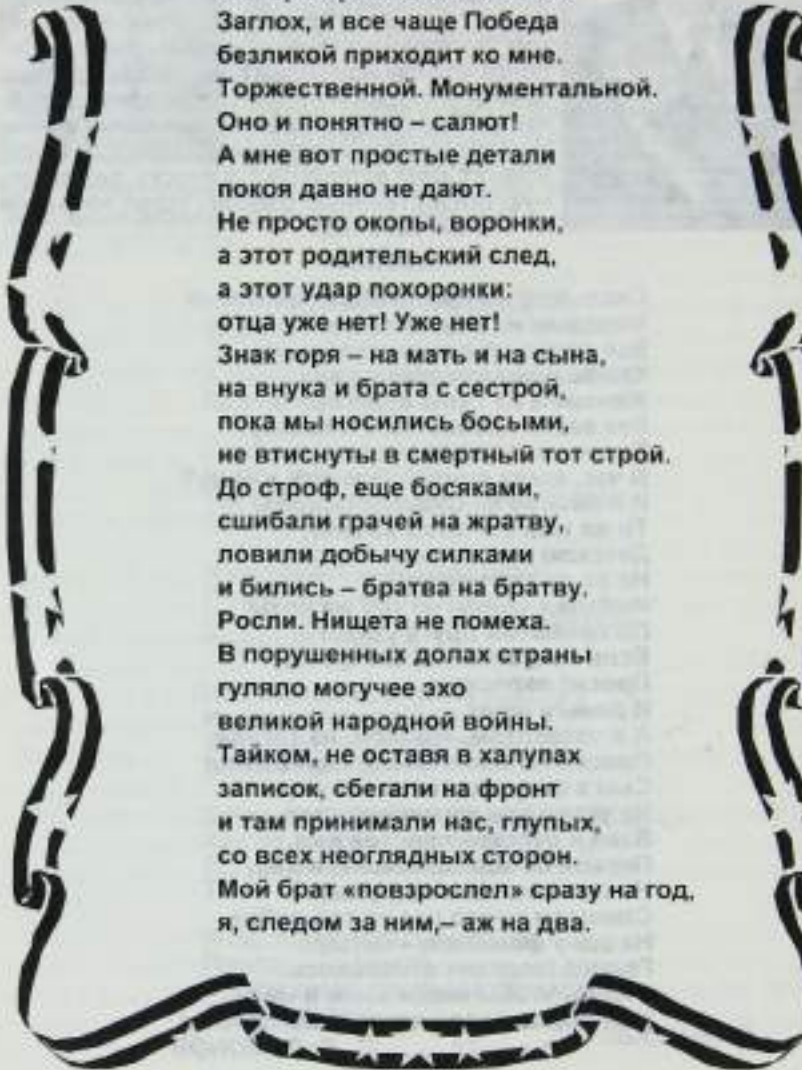
ЯЖЕНСКИХ АНАТОЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Родился в 1925 году в Юргинском районе Тюменской области. В п. Комсомольский приехал в 1962 году, в том же году назначен начальником Эссского лесопункта, неоднократно избирался членом исполкома Комсомольского поссовета. Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда, награжден многими правительственными наградами. В 1996 г. был избран в Совет ветеранов г. Югорска, вел активную общественную работу. Ушел из жизни 31 января 2000 года.

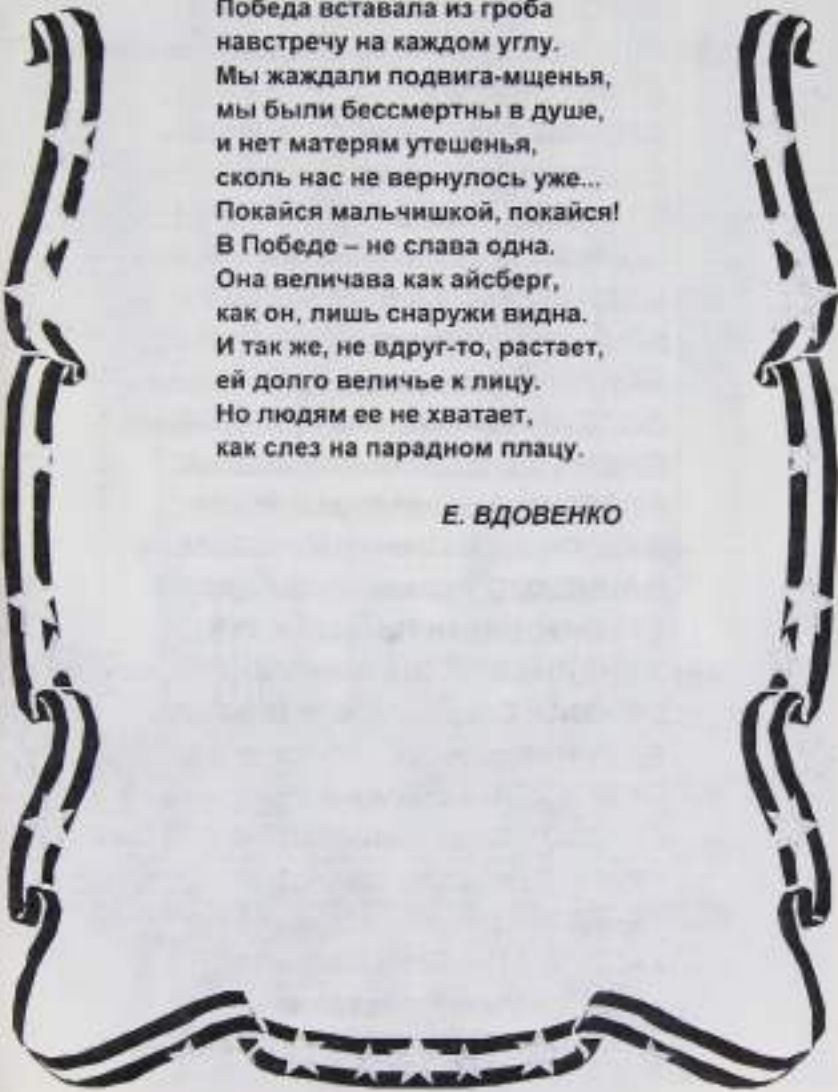
Сколько б ни придумывал фамилий
Мертвым из моих военных книг,
Все равно их в жизни хоронили.
Кто-то ищет каждого из них.
Женщина из Тулы ищет брата,
Без вести пропавшего в Крыму.
Видел ли я сам того солдата
В час, когда явилась смерть к нему?
И в письме из Старого Оскола,
То же имя вычитав из книг,
Детскою рукою пишет школа –
Не ее ли это ученик?
Инвалид войны из той же роты
По приметам друга узнает, –
Если сохранилось его фото,
Просит переснять.
И деньги шлет.
А в четвертом, кратком, из Тагила,
Просят только верный адрес дать:
Сын к отцу желает на могилу,
Не успев при жизни повидать...
Взял я русское простое имя,
Первое из вспомнившихся мне,
Но оно закопано с другими
Слишком много раз на той войне.
На одну фамилию – четыре
Голоса людских отозвалось...
Видно, чтобы люди жили в мире,
Нам дороже всех платить пришлось!

К. СИМОНОВ

ПОБЕДА

Не видно отцовского следа
на сирой российской земле.
Заглох, и все чаще Победа
безликой приходит ко мне.
Торжественной. Монументальной.
Оно и понятно – салют!
А мне вот простые детали
покоя давно не дают.
Не просто окопы, воронки,
а этот родительский след,
а этот удар похоронки:
отца уже нет! Уже нет!
Знак горя – на мать и на сына,
на внука и брата с сестрой,
пока мы носились босыми,
не втиснуты в смертный тот строй.
До строф, еще босяками,
сшибали грачей на жратву,
ловили добычу силками
и бились – братва на братву,
Росли. Нищета не помеха.
В порушенных долах страны
гуляло могучее эхо
великой народной войны.
Тайком, не оставя в халупах
записок, сбегали на фронт
и там принимали нас, глупых,
со всех неоглядных сторон.
Мой брат «повзрослел» сразу на год,
я, следом за ним, – аж на два.

A decorative border made of a black and white ribbon with white stars, framing the text on the page.

Нам тоже туда было надо,
где люди – как в топке дрова.
О маме не думали оба.
Обоим обрыдло в тылу.
Победа вставала из гроба
навстречу на каждом углу.
Мы жаждали подвига-мщенья,
мы были бессмертны в душе,
и нет матерям утешенья,
сколь нас не вернулось уже...
Покайся мальчишкой, покайся!
В Победе – не слава одна.
Она величава как айсберг,
как он, лишь снаружи видна.
И так же, не вдруг-то, растает,
ей долго величье к лицу.
Но людям ее не хватает,
как слез на парадном плацу.

Е. ВДОВЕНКО

Список умерших ветеранов ВОВ г. Югорска

АНТОНОВ Иван Васильевич
АЛЕКСАНДРОВ Василий Васильевич
АХМЕТОВ Саду
БУБНОВ Александр Алексеевич
БОБОШИН Василий Григорьевич
БАХАРЕВ Никита Сергеевич
БОЛЬШАКОВ Николай Андреевич
БЛИНОВ Виктор Михайлович
БЛИННИКОВ Дмитрий Иванович
БАРУЛЕВ Александр Григорьевич
БОЛДИНА Валентина Григорьевна
БАКАН Федор Константинович
БРЕЗГИН Андрей Радионович
БАШКИРЦЕВ Степан Михайлович
БАННИКОВ Аникей Иванович
БУТОРИН Иван Прокопьевич
БЕРДИНСКИЙ Степан Афанасьевич
ВОХМИН Гавриил Осипович
ВЕРИН Николай Павлович
ВОЛОСКОВ Иван Александрович
ГЛАДУНОВ Геннадий Константинович
ГРАЧЕВ Никандр Иванович
ГУНДЕРИН Иван Иванович
ГАГАРИН Николай Петрович
ГРИНИН Михаил Кузьмич
ГЛАВАЦКИХ Илларион Михайлович

ДАВЫДОВ Логан Потапович
ДОЛГИХ Мин Арсентьевич
ДОЛГОВЫХ Алексей Федорович
ДАВЫДЕНКО Сергей Александрович
ЕРМАКОВ Виктор Игнатьевич
ЕГОРОВ Леонид Иванович
ЕРМАКОВ Андрей Сергеевич
ЕМЕЛЬЯНЕНКО Семен Харлампьевич
ЖЕЛОНКИН Михаил Иванович
ЖУКОВ Василий Иванович
ЗАХАРЧУК Алексей Степанович
ЗАТЫЛКИН Владимир Иосифович
ЗЕМЦОВ Иван Дмитриевич
ЗЫКОВ Александр Сидорович
ЗОНОВ Василий Федотович
ЗАЛОЗНЫХ Петр Александрович
ИЛИБАЕВ Илья Прохорович
ИДРИСОВ Хуснула Идиятович
КОЖЕВНИКОВ Владимир Яковлевич
КОНСТАНТИНОВ Андрей Константинович
КАНАШИН Петр Кузьмич
КОСТЕНКО Мирон Николаевич
КАРМАЦКИХ Константин Фадеевич
КАЛУГИН Алексей Матвеевич
КОМАРОВ Николай Алексеевич
КИРИЛЛОВ Анатолий Михайлович
КАСЬЯНОВ Василий Петрович
КЕТОВ Семен Михайлович

КУЛЕШОВ Иван Николаевич
КУЛИГИН Виктор Павлович
КАЛАЧЕВ Алексей Осипович
КЛЯЧИН Николай Иванович
КАШИН Михаил Михайлович
КОКОРИН Кузьма Ефимович
КОЗИН Иван Кузьмич
КУШНЕР Иван Кузьмич
КАДЕЕВ Владимир Васильевич
КНЯЗЕВ Александр Кузьмич
КАТАЕВ Андрей Николаевич
КОТЛОВ Гермоген Иванович
КЛЕЦИН Михаил Павлович
КОЗЛОВ Федор Демидович
КИСЕЛЕВ Иван Васильевич
КАЗАКОВ Михаил Кириллович
КРЫСАНОВ Тимофей Ефремович
КУНИКОВСКИЙ Кузьма Мартынович
КРУГЛОВ Иван Николаевич
ЛОПАТИН Борис Николаевич
ЛЕДНЕВ Александр Николаевич
ЛЮБИМЦЕВ Петр Михайлович
ЛУКЪЯНЕНКО Филипп Иванович
ЛИХОДЕД Иван Мефодьевич
ЛОНШАКОВ Алексей Михайлович
МИКУЛИНСКИЙ Николай Романович
МАРКОВЧИН Яков Егорович
МАСЛАКОВ Иван Иванович

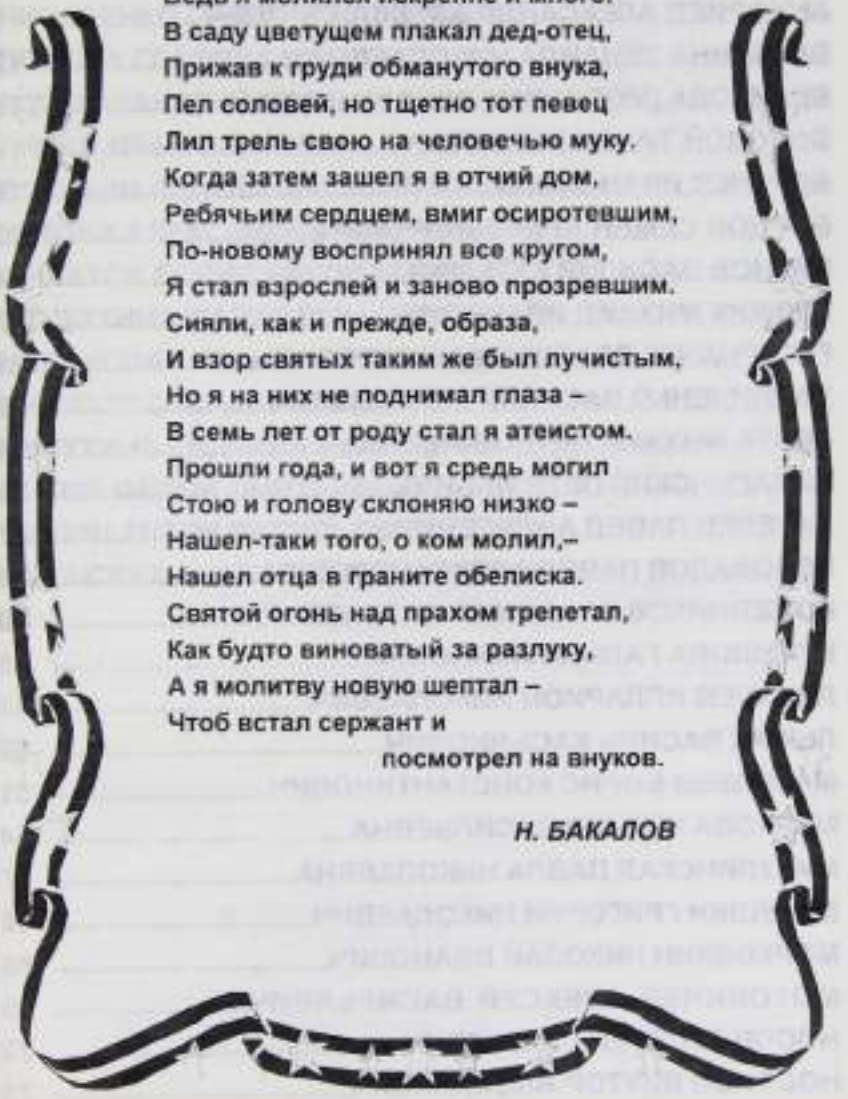
МАКАРОВ Михаил Михайлович
МАКСИМОВ Александр Максимович
МАСЮТКИН Иван Алексеевич
МИХАЙЛОВ Василий Иванович
МИКУШИН Федор Иванович
МАТВЕЕВ Михаил Миронович
МОЖАЕВ Василий Сергеевич
МИХАЙЛОВ Иван Архипович
МАЛЬЧИКОВ Тимофей Ефимович
НИКУЛИН Константин Иванович
НОСКОВ Николай Абрамович
НОСКОВ Александр Алексеевич
НИКОЛАЕВ Алексей Васильевич
НАЙДЕНОВ Андрей Дмитриевич
НАУМОВА Анна Родионовна
ОШЕВ Михаил Афанасьевич
ОСТАНИН Владимир Иванович
ПОРТНОВ Леонид Васильевич
ПЕЛЕВИН Иннокентий Иннокентьевич
ПИСАРЕНКО Серафима Петровна
ПОЗДЕЕВ Василий Петрович
ПЕТЬКО Николай Николаевич
ПИНАЕВА Анна Васильевна
ПОГОДИН Александр Петрович
ПЕРМЯКОВ Александр Павлович
ПОЛЕВАЯ Зинаида Ивановна
ПОПОВ Александр Федорович
ПИНИГИН Савелий Федорович

ПУРТОВ Михаил Петрович
ПАЙКОВ Алексей Михайлович
ПОХИЛКО Василий Иосифович
ПISКУЛИН Александр Сергеевич
РУСАКОВ Василий Владимирович
РОЖКОВСКИЙ Григорий Григорьевич
РОМАШЕЧКИН Александр Алексеевич
РЫЧАГОВ Леонид Васильевич
РЯБОВ Иван Данилович
РЯБОВ Николай Алексеевич
РУБАН Илья Ильич
РОСТОВЩИКОВ Николай Ефремович
РОМАНОВ Степан Никифорович
РЯБИЦКИЙ Василий Васильевич
СУХАНОВ Михаил Михайлович
САВИН Павел Федорович
СЕЛИВАНОВ Григорий Петрович
СТЕПАНЧЕНКО Мирон Степанович
СТЕПАНОВ Вячеслав Георгиевич
СТЕПАНОВ Василий Федорович
СКОРОБОГАТОВ Степан Иванович
САЛАЗКИН Василий Алексеевич
СТРЕЛЬЦОВ Александр Иванович
СВЯТОВА Антонина Лаврентьевна
СБРОДОВ Василий Федорович
СТЕРХОВ Григорий Андреевич
СОРОКИН Николай Герасимович
ТУПИЦИН Максим Андреевич

ТИХОМИРОВ Алексей Алексеевич
ТАРАСОВ Анатолий Михайлович
ТИТОВ Михаил Степанович
ТУСМУХАМЕТОВ Чарулла Бикбатулатович
ТРОПЫНИН Иван Николаевич
ТЕРЕНТЬЕВ Николай Иванович
УСОВ Григорий Семенович
ФИЛИНОВ Александр Романович
ФЕДОРЕЕВ Иван Ефстеевич
ФЕДОРОВ Изосим Иванович
ФАТЕЕВ Григорий Тихонович
ХРЕБТОВ Полиэкт Никитич
ЦВЕТКОВ Николай Иванович
ЦВЕТКОВ Василий Федорович
ЦВЕТКОВА Людмила Васильевна
ЦВЕТКОВ Александр Иванович
ЧЕКУРИН Николай Андреевич
ЧЕМОДАНОВ Гавриил Трофимович
ЧЕРНОВ Степан Николаевич
ШОЛОМОВ Константин Максимович
ШИЛЬНИКОВ Игорь Андреевич
ШВАЛЕВ Борис Павлович
ЩЕЛГАЧЕВ Николай Павлович
ЩЕРБИЧ Сергей Антонович
ЮРЧЕНКО Юрий Васильевич
ЯЖЕНСКИХ Анатолий Георгиевич
ЯКИМОВ Иван Сергеевич
ЯКИМОВ Василий Матвеевич

МОЛИТВА

Передо мной бумаги старой клок
С названием народным "похоронка";
Впитавший материнский слезный ток,
Мне о войне тот лист напомнил громко.
На много лет я пережил отца,
Погиб он под Москвою в сорок первом;
Не помнящий родителя лица,
Я жмусь к нему всю жизнь сыновним телом.
Суровой правды я не утаю:
Когда война гремела у порога,
Когда я только начал жизнь свою,
В четыре года я молился Богу.
Война на запад покатила вспять,
Все дальше с дымом унося тревогу,
А я перед иконой Божья Мать
Усердно трижды в день молился Богу.
И вот победу празднует страна,
А мать моя все смотрит на дорогу,
С надеждой светлой мужа ждет она,
Я ж, как и прежде, бью поклоны Богу.
Однажды прибежал с реки домой,
Чтоб подкрепиться кукурузной кашей,
За дверью слышу жуткий женский вой
И зов невыразимый: — Яша! Яша!
Рыдала мать, по имени отца
Она звала и горько причитала...
Я понял все – жестокости Творца
Такой моя душа не ожидала.

Я к деду за ответом поспешил.
Зачем он прививал мне веру в Бога?
Зачем отец мой голову сложил?
Ведь я молился искренне и много.
В саду цветущем плакал дед-отец,
Прижав к груди обманутого внука,
Пел соловей, но тщетно тот певец
Лил трель свою на человеческую муку.
Когда затем зашел я в отчий дом,
Ребячьим сердцем, вмиг осиротевшим,
По-новому воспринял все кругом,
Я стал взрослей и заново прозревшим.
Сияли, как и прежде, образа,
И взор святых таким же был лучистым,
Но я на них не поднимал глаза –
В семь лет от роду стал я атеистом.
Прошли года, и вот я среди могил
Стою и голову склоняю низко –
Нашел-таки того, о ком молил, –
Нашел отца в граните обелиска.
Святой огонь над прахом трепетал,
Как будто виноватый за разлуку,
А я молитву новую шептал –
Чтоб встал сержант и
 посмотрел на внуков.

Н. БАКАЛОВ

Содержание

АМИНИН ИВАН ВЕДЕНЕЕВИЧ	6
АБРАМОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ.....	8
АНУФРИЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ.....	9
БАЛАКИНА ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА.....	12
БЕЛИКОВА (МОРШИНА) ВЕРА ПАВЛОВНА.....	15
БОРОВОЙ ТИХОН ИВАНОВИЧ.....	16
БОРТНЕВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ.....	19
БОРЦОВ СЕМЕН АЛЕКСАНДРОВИЧ.....	23
БУБНОВ ВАСИЛИЙ КУЗЬМИЧ.....	24
ГЛОЖИК МИХАИЛ ИВАНОВИЧ.....	27
ГУБЕРНАЧУК ВЛАДИМИР МАКАРОВИЧ.....	29
ДАРНИЧЕНКО ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ.....	32
ЗДОТА МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ.....	34
КАМАРИНСКИЙ ПЕТР ИЛЬИЧ.....	35
КИСЕЛЕВ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ.....	37
КОНОВАЛОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ.....	39
КОЖЕВНИКОВ ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ.....	40
КУЛЕШОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА.....	46
ЛИХАЧЕВ ИЛЛАРИОН НИКОЛАЕВИЧ.....	49
ЛЫСАК ВАСИЛЬ КАСЬЯНОВИЧ.....	50
МАКОВЕЕВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ.....	51
МАРКОВА КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА.....	54
МИКУЛИНСКАЯ ПАВЛА НИКОЛАЕВНА.....	57
МИКУШИН ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ.....	58
МОРКОВКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ.....	66
МОТОВИЧЕВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ.....	69
НОСОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ.....	72
НОСОНОВ ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ.....	73

ПАНОВ НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ.....	74
ПАРХОМЕНКО ИВАН КИРИЛЛОВИЧ.....	76
ПЕТРОВ АНАТОЛИЙ НЕСТЕРОВИЧ.....	79
ПИСАРЕНКО ГРИГОРИЙ ПАВЛОВИЧ.....	80
ПОПОВА ГЛАФИРА НИКИТЬЕВНА.....	83
РОССОШАНСКИЙ ИВАН ФЕДОРОВИЧ.....	85
РЯСИН ИВАН ЕГОРОВИЧ.....	86
СЛИНКИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ.....	88
ТИТОВА АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВНА.....	90
ФИЛАТОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ.....	93
ХЛЕБУТИНА МАРИЯ ГЕРАСИМОВНА.....	96
ЦЕЛОУСОВА ИРАИДА АЛЕКСАНДРОВНА.....	99
ЧИКУРОВ СТЕПАН ИВАНОВИЧ.....	101
ЧИРУХИНА ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА.....	102
ШУЛЯК ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ.....	104
ЩЕПИН АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ.....	106
ЯЖЕНСКИХ АНАТОЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ.....	107

3 46 Вечная слава живым, вечная память ушедшим! – Югорск
«Издательство городской газеты», 2000. – 120с.

ISBN 5-93009-002-5

Изд. лиц. ЛР № 040838 от 22.08.97г.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации города Югорска.

Фотографии выполнены фотохудожником
г. Югорска З. Ефименко

Идея оформления ЮУМП «Издательство городской газеты».

«Издательство городской газеты», 628260, Тюменская обл.,
Ханты-Мансийский автономный округ, г. Югорск, ул. Буряка, 4
тел./факс (34675) 6-03-69

Отпечатано в ГОУП «ПО «Север»
г. Серов, ул. К. Маркса, 19.

Сдано на верстку 8.06.2000 г. Формат набора 60х84 1/16.
Гарнитура Arial Cyr. Печать офсетная. Набор компьютерный.
Усл. печ. листов 6,75. Тираж 500. Заказ № 1867.

